МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ
ФРУНЗЕ

★

ОБЛГИЗ · КУЙБЫШЕВ · 1942

335954

335954

Обязательный экземпляр
МЕСТНЫЙ

1943 г.

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ
Ф Р У Н З Е

КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

33554

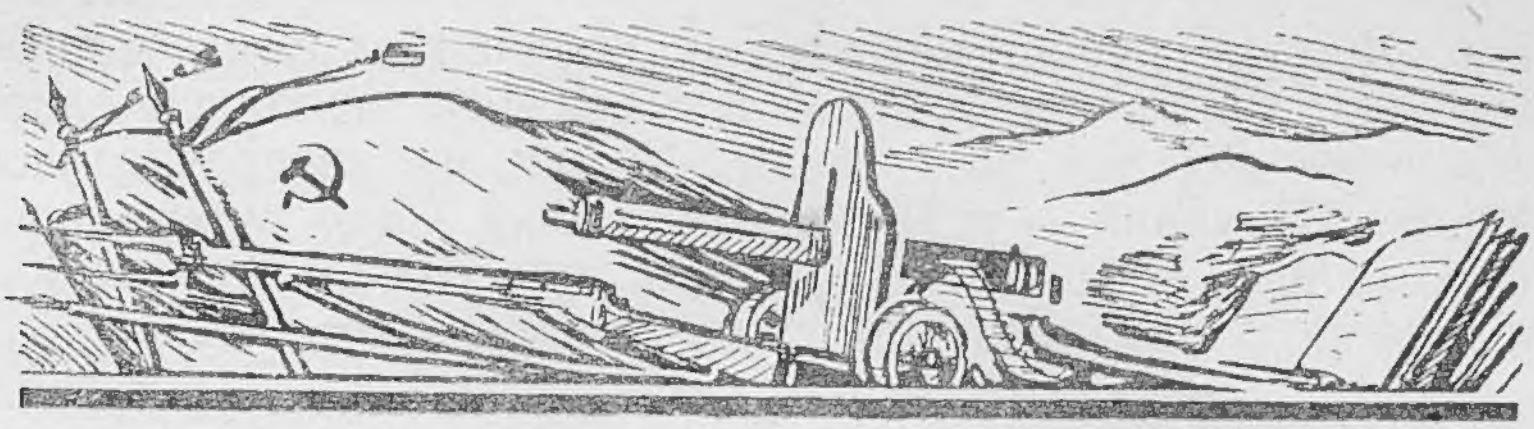
КУЙБЫШЕВСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ОГИЗ
КУЙБЫШЕВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1942

Краткий биографический очерк печатается по книгам: „М. В. Фрунзе“, изд. Воениздата, 1938 г. и „Фрунзе“, изд. „Молодой гвардии“, 1940 г.

*Автор обеих книг — **С. Борисов.***

329.15:92



I. ДЕТСТВО

Отец Михаила Васильевича Фрунзе — Василий Михайлович родился в Захаровке (ныне Фрунзовка) Одесской губернии. Отец его был крепостным князя Долгорукова. Василий вместе со своим отцом и двумя братьями Софроном и Григорием гнули спину на ненавистной панщине.

Василий выдался непокорным. Однажды князь Долгоруков позвал старика и холодно заявил:

— Отдаю сына твоего Василия в солдаты.

Несколько лет провел Василий в солдатчине. Погнали его вместе с другими такими же бесправными солдатами завоевывать Семиречье. Через год после захвата Пишпека было отменено крепостное право, и Василий Михайлович стал вольным человеком. Изучив фельдшерское дело, он стал оказывать несложную помощь местному населению. Вскоре он женился.

Михаил Васильевич Фрунзе родился 21 января (по старому стилю) 1885 года; он был в семье вторым сыном. Старшего сына звали Константином. После Михаила родилось несколько дочерей. Дети были гордостью Василия Михайловича. В Пишпеке не было средней школы, и чтобы дать возможность детям учиться, семья переехала в город Верный (ныне Алма-Ата). Вскоре после переезда на семью обрушилось несчастье: после тяжелой болезни в феврале 1897 года скончался отец. Семья очутилась без средств к жизни. Единственным кормильцем семьи стал старший сын Константин. Мальчик давал уроки в семьях чиновников и куп-

цов. Жалкие рубли, которые он получал за ежевечернюю беготню (днем он учился в гимназии), являлись единственным доходом всей семьи. И как ни изворачивалась Мавра Ефимовна — мать Фрунзе, семья жила впроголодь. Бывали дни, когда не на что было купить сальную свечку, и дети готовили уроки при свете тусклой коптилки...

*

Михаил учился в первом классе Верненской гимназии.

Гимназические учителя скоро обратили внимание на Михаила Фрунзе, — он выделялся среди остальных учеников своей живостью и одаренностью. В кондуите Фрунзе, рядом с такими записями: «Не был на спевке вечером в церкви — выговор в классе», «Подрался во время перемены — оставлен на один час» и т. п., мы находим и такие записи: «Одобрение от Педагогического Совета за отличные успехи и поведение», «Переведен без экзамена с наградой I степени...»

В конце учебного года, когда дети уже считали дни, остающиеся до летних каникул, Фрунзе вызвали в кабинет директора.

— Вот что, Фрунзе, — хмуро обратился к нему директор, — твоя мать не внесла платы за ученье. Ты должен оставить гимназию.

Мальчик покраснел от смущения и, поклонившись, молча вышел из кабинета директора.

Он услышал вдогонку совет:

— Скажи матери, может быть, она достанет деньги.

Фрунзе знал, что денег у матери нет. Он с болью в сердце рассказал ей о разговоре с директором.

Мать Фрунзе стремилась во что бы то ни стало дать детям образование, — это была самая заветная ее мечта. И Мавра Ефимовна решила не сдаваться. Она пишет директору гимназии прошение. Скупой документ, слова которого пропитаны горечью нищеты, рассказывает о безрадостном положении семьи.

Мавра Ефимовна писала:

«На содержание моего семейства, состоящего из пяти малолетних детей, требуются средства, между тем я ни имущественного, ни денежного состояния не имею, пенсии не получаю... Муж мой умер... Хотя я возбудила ходатайство о выдаче мне пособия из казны, но на скорое получение надежды не имею... Прервать обучение детей безусловно не хотелось бы, так как все они учатся хорошо и подают надежду на успешное окончание курса, в чем для

меня заключается вопрос обеспечения дальнейшего существования.

Находясь вследствие вышеизложенного в бедственном положении, решаюсь... просить, не признаете ли возможным помочь мне выдачею пособия из какого-либо источника по вашему усмотрению.

Мая 2 дня 1897 года М. Фрунзе».

Пособие было выдано: 30 рублей единовременно — по 6 рублей на душу.

*

Фрунзе был любознательным и живым мальчиком. Он много читал, увлекался шахматами, любил собак, лошадей и особенно охоту. Этой страстью он заразился от отца — охотника и любителя оружия. Мальчик Михаил часто сопровождал отца на охоту. Охота и прогулки в горы возбудили в Михаиле любовь к природе. Будучи уже учеником старших классов, Фрунзе составлял большие гербарии. Один из таких гербариев был признан настолько ценным, что его даже отправили в какое-то научное учреждение в Петербурге.

Много времени Михаил уделял чтению. Особенно он любил военную историю. Из художников слова на первом месте для него стоял Максим Горький, в произведениях которого мальчик находил обнаженную правду о социальном неравенстве...

Любовь к чтению пробудила пытливый ум мальчика. Книги помогли ему рассеять туман в вопросах происхождения мира. Однажды Фрунзе с убежденностью, которой он уже никогда не изменил, сказал встревоженной матери:

— Я теперь твердо знаю, что бога нет...

*

Начало 900-х годов ознаменовалось крупными стачками, демонстрациями и «беспорядками» в университетских городах. В. И. Ленин писал в журнале «Заря»: «Общественное возбуждение растет в России во всем народе, во всех его классах, и наш долг, долг революционных социал-демократов, направить все усилия на то, чтобы суметь воспользоваться им, чтобы разъяснить передовой рабочей интеллигенции, какого союзника имеет она и в крестьянстве и в студенчестве и в интеллигенции вообще, чтобы научить ее пользоваться вспыхивающими то здесь, то там огоньками общественного протеста» (Соч., т. IV, стр. 321).

Отзвуки общественного возбуждения дошли и до далекого Верного, погруженного в сонную тишину обывательской жизни. Первой откликнулась молодежь. Гимназисты старших классов стали собираться в «кружки для самообразования». Фрунзе принял в них горячее участие. Здесь он впервые познакомился с революционными идеями. Ему-то, больше чем кому-либо из его обеспеченных сверстников, была очевидна бесчестность и порочность господствующего социального строя...

Уже в последних классах гимназии он должен был зарабатывать на хлеб. Кончив занятия, он остальную часть дня бегал по урокам. Тяжелые лишения, отсутствие часто самого необходимого не могли сломить упорства в овладении знаниями. Он все время был «отличником», как сейчас говорят. Любовь к труду, настойчивость и высокая одаренность позволили Фрунзе закончить гимназию.

В гимназическом архиве сохранилась копия аттестата зрелости М. В. Фрунзе, где говорится:

«...Во внимание к постоянно отличному поведению, прилежанию и отличным успехам в науках, в особенности же историко-филологических, Педагогический Совет постановил наградить его золотою медалью и выдать ему аттестат...

Аттестат зрелости... Перед молодым Фрунзе лежала дорога в жизнь, полная смутных надежд, борьбы, лишений.

II. МОЛОДОСТЬ БОЛЬШЕВИКА

В 1904 году М. В. Фрунзе приехал в Петербург.

Северная столица после тихих улиц Верного казалась не только огромной, но и прекрасной. Громады домов на Невском проспекте уходили далеко в туманную перспективу... Молодого Фрунзе поражали величественные фасады дворцов, сверкающие электричеством витрины, нарядная толпа, вереницы экипажей и карет с гербами.

Фрунзе тотчас по приезде отправился в Лесной. Там, по ту сторону Невы, за Сампсониевским проспектом, по дороге в Сосновку, тянулись унылые корпуса заводов и тесно жавшиеся друг к другу домишки, заселенные рабочим людом. Этот Петербург — рабочих кварталов и заводских корпусов — принял Фрунзе в свое лоно.

Михаил Васильевич начал слушать лекции в Политехническом институте. Петербург жил тогда в предчувствии революционной грозы, и Фрунзе сразу попал в возбужденную общественную атмосферу. В стенах института часто

происходили многолюдные революционные сходки и забастовки, сопровождавшиеся арестами и высылками студентов.

С первых же дней Фрунзе оказался вовлеченным в революционный водоворот. Он не поддался на эффектные призывы агитаторов, щеголявших своими красивыми платформами, историческими параллелями. Трезвый ум помог ему быстро разобраться в сложной политической борьбе.

Фрунзе без колебаний пошел к большевикам. Они привлекли его своей решительностью и непримиримостью ко всяким соглашательским махинациям, своей принципиальностью и ясностью тех перспектив, которые открывала революция перед трудящимися массами.

В первые месяцы своей студенческой жизни он писал домой часто, подробно рассказывал о студенческих делах, посылал книги, газеты. Потом письма стали приходить реже и, наконец, прекратились...

До Верного доходили смутные слухи о студенческих волнениях, о расправах с молодежью. Мать была в тревоге...

Михаил перестал писать не потому, что забыл в вихре событий о матери. Он работал пропагандистом в рабочих кружках, и после одной большой революционной демонстрации его, за оказанное полиции сопротивление, арестовали. Тогда же он был легко ранен.

Это был первый арест. Вскоре после ареста Фрунзе высылают как «неблагонадежного» из Петербурга.

В эти дни он написал матери письмо, — оно походило на страстную прокламацию, обличающую самодержавие. Конец письма звучал трагически. Фрунзе писал:

«Жребий брошен. Рубикон перейден...»

*

Шуя...

Маленький город Владимирской губернии жил напряженной тревожной жизнью. Мелкая буржуазия, чиновники и обыватели напуганы отзвуками первых раскатов революционной грозы. В Шуе было много фабрик, общее число рабочих превышало 10 000 человек.

Никто, конечно, не обратил внимания на неизвестного двадцатилетнего юношу, поселившегося в начале 1905 года в одном из домиков на 2-й Нагорной улице. Да никто, кроме небольшой группы большевиков, и не догадывался, что этот домик — явочная квартира, а приезжий — М. В. Фрунзе, присланный большевистской партией для революционной работы.

Среди рабочих появился новый агитатор. Его звали Трифоныч: такова была первая партийная кличка Фрунзе. С его приездом оживилась работа партийных ячеек, стали чаще собираться рабочие кружки, устраивались массовки, доклады. Душой всех этих мероприятий был Трифоныч.

Оживление в рабочих кругах не могло пройти незамеченным. Шпики и переодетые полицейские стали шнырять среди рабочих. Они искали Трифоныча, но тот исчез бесследно: Фрунзе переменил свою кличку на Арсения.

Начались обыски, аресты.

Какой-то провокатор сообщил исправнику Лаврову, что в одном из домов на 2-й Нагорной улице живут революционно настроенные рабочие. Полиция установила за этим домом настоящую слежку. Это был дом рабочего Минаева.

Однажды вечером пришел взволнованный Арсений. Он с трудом избавился от следовавшего за ним по пятам шпика.

— Что с тобой? — спросила хозяйка.

— Не знаю, где мне сегодня ночевать, — ответил Арсений.

Минаевские жильцы уже спали. Около стола, на полу, примостились дети.

— Ложись вместе с моими ребятами, — предложила хозяйка.

Арсений, не раздумывая, полез под стол. Жизнь подпольщика приучает к неприхотливости. Все погрузилось в сон.

Ночью раздался стук в дверь.

Хозяйка вскочила и испуганно спросила:

— Кто там?

— Открывай, полиция!

В квартиру вошли полицейские. Разбудив всех спящих, они не удосужились заглянуть под стол, где спал Арсений.

Через несколько дней полиция повторила свой налет. Арсений на этот раз был не под столом. Полиция сразу же обратила на него внимание.

— Что за человек? По каким делам приехал в Шую?

Арсений отвечал вяло, как будто вопросы не занимали его. Он заявил, что приехал в гости к родственнику.

— Паспорт?

Арсений показал свой нелегальный паспорт.

Полицейские повертели в руках документ. Паспорт «форменный», и печати, какие полагаются.

Полиция опять ушла ни с чем.

Арсению пришлось переменить конспиративную квартиру. У него была сейчас ответственная работа: он сколачивал

рабочую боевую дружину. Партийная организация прислала ему оружие — 12 винчестеров, 10 браунингов и несколько револьверов других систем.

*

Иваново-вознесенская большевистская организация приступила к подготовке всеобщей политической забастовки. Арсений был вызван из Шуи для участия в этой работе.

Иваново-Вознесенск (ныне город Иваново) — большой фабричный город. Рабочих в то время было более 60 000. От фабрик к складам и к станции железной дороги беспрерывным потоком двигались подводы с товарами. На окраинах десятки фабричных труб застилали небо дымом. Около фабрик вкривь и вкось шли улицы и переулки с лачугами, потемневшими от фабричной копоти. В 1895 году, в день 1 мая, здесь возникла рабочая организация — «Иваново-Вознесенский рабочий союз», позднее была создана большевистская организация, входившая в состав Северного комитета РСДРП.

Иваново-вознесенская большевистская организация пользовалась большим доверием и популярностью у рабочей массы. Она вникала во все интересы рабочих, для нее не существовало мелочей, раз это касается жизни масс, и поэтому большевики хорошо знали, что думают и чувствуют рабочие.

Фрунзе вскоре убедился в силе и влиянии большевистской организации. В один из весенних дней 1905 года по призыву большевиков около 45 000 рабочих прекратили работу. 27 крупных фабрик и несколько мелких заводов одновременно остановились. Промышленная жизнь города замерла.

Улицы заполнились рабочими. Из ящиков была устроена трибуна. Среди рабочих распространялись большевистские прокламации такого содержания: «Товарищи, наши хозяева сбавляют нам полчаса, вводят одиннадцатичасовой рабочий день. Хозяева входят с нами в панибратские сношения, приходят к нам в курилку, дают папиросы, объявляют о своей «милости» рабочим. Что это такое? Вирямь ли такая забота напала на хозяев о нас? Знайте, товарищи, что это волки приходят к нам в овечьей шкуре, чтобы легче обмануть нас, легче захватить добычу...»

Выступали ораторы, излагавшие требования рабочих к фабрикантам. Пока эти требования не будут удовлетворены, не приступать к работе, — таково было мнение всех рабочих.

Полиция держалась в отдалении. Она впервые видела такую грозную силу — организованную массу рабочих.

Митинг прошел спокойно.

Сознание силы своего класса воодушевило рабочих. На следующий день Фрунзе участвовал в огромном митинге на реке Талке. Там собралось около 35 000 рабочих поговорить о своих нуждах. В этот день, 26 мая, рабочие на Талке создали первую и невиданную еще в мире рабочую организацию — Совет рабочих депутатов, послуживший затем прообразом Петербургского и Московского советов в 1905 и 1917 годах.

Выборное собрание происходило под открытым небом, на берегу Талки. Президиум заседал на опрокинутой лодке.

Совет был избран с составе 150 человек. В Совет рабочих депутатов вошли представители всех фабрик и заводов. Было избрано значительное число женщин, составлявших большинство среди иваново-вознесенского пролетариата; наравне с мужчинами они вовлекались в политическую жизнь. Совет взял на себя представительство и защиту всех нужд рабочих, руководство забастовкой и ведение переговоров с городским самоуправлением, властями, а также с владельцами лавок о получении кредита для рабочих на время забастовки.

Капиталисты растерялись. Сохранилось любопытное письмо фабриканта Бурылина к своему родственнику:

«То, что произошло за три дня, не поддается описанию. Невиданная картина событий, рабочие — как звери. Я лишен кучера, сам кипячу чай, с фабрики последнего сторожа сняли, сам охраняю фабрику. Начальство растерялось. У наших нет единого мнения. Мое честное убеждение — надо поскорей итти на небольшие уступки рабочим требованиям. Нам угрожают колоссальные убытки. Две партии непромытого вареного товара преют в котлах, в красильной — мокрые ролики. Мне известно из достоверных источников, что руководители забастовки — люди приезжие, с образованием. Руководят хлестко. Чувствуется в городе двоевластие. Рабочие не хотят договариваться на своих фабриках, выставляют общие требования».

Фабриканты и купцы спешили уехать из Иваново-Вознесенска. Городская дума прекратила свою работу.

Популярность Совета перешла пределы Иваново-Вознесенска: в Совет приезжали делегации рабочих из окружающих фабричных районов. Они просили взять на себя защиту и их интересов. Партийную организацию просили присылать своих агитаторов.

Для Фрунзе настали горячие дни. Большевики руководили забастовкой, работой Совета, организовывали материальную помощь бастующим и т. п.

Чувствовался большой недостаток в людях, способных вести пропагандистскую и организационную работу среди масс. Совет после обсуждения своих текущих дел превращался в партийную школу: изучали марксизм, задачи рабочего движения, и на долю Фрунзе выпала большая работа по внедрению марксистского учения среди рабочего авангарда.

Эта своеобразная партийно-советская школа успела подготовить до 200 агитаторов и организаторов, которые были брошены на работу в ближайшие районы.

Капиталисты, увидев, что Совет не только руководит забастовкой, но и готовит новые кадры революционеров, обратились к властям с требованием ликвидировать «социалистический университет на реке Талке».

Власти решили расправиться с революционными рабочими.

3 июня на берегу Талки происходило очередное собрание рабочих. Власти, подпоив астраханскую казачью сотню и полицию, послали их на расправу. Они напали на безоружных рабочих, пустив в ход шашки, винтовки. Тех, кто избежал расправы, хватали, истязали, бросали в тюрьму.

Рабочие ответили террором. Запылали дома и дачи фабрикантов и купцов. Иваново-Вознесенск был объявлен на осадном положении. Рабочие на очередном собрании обсуждали протест против произвола полиции.

Некоторые ораторы предложили свои проекты:

«Ваше превосходительство! Мы, ивановские рабочие, просим вас дать нам возможность собираться на Талке до окончания стачки...»

Большинство рабочих было недовольно таким обращением. Стоило ли начинать забастовку, которая показала врагу сплоченность рабочих масс, и завершить все унизительной просьбой?

— Мы не милостыню просим!

Кто-то выступил с проектом нового обращения:

«Господину начальнику губернии. Иваново-Вознесенский Совет рабочих депутатов от имени 40 тысяч рабочих заявляет: если вы не разрешите нам заниматься мирно на Талке, то Совет снимет с себя всякую ответственность за беспорядки, могущие быть в такой неясной обстановке».

Рабочие зашумели:

— Крепче надо!

— Не просить, а требовать!

К председательскому месту пробрался молодой человек в студенческой фуражке. Рабочие, знавшие его, помогли ему проложить дорогу в тесной толпе.

— Дайте дорогу Арсению...

— Пусть Арсений скажет...

Это был Фрунзе. Приветливо пожимая на ходу руки товарищей, он занял ораторское место и, сдвинув фуражку на затылок, уверенно обратился к рабочим:

— Товарищи, у меня тоже есть проект обращения к губернатору.

— Читай!

Арсений вытащил из кармана тужурки четвертушку бумаги, разгладил ее и пытливо посмотрел на рабочих. Лицо Арсения стало суровым, решительным. Твердо отчеканивая каждое слово, он прочитал:

«Протест на приказ начальника губернии.

Совет рабочих депутатов города Иваново-Вознесенска протестует против вашего запрещения сбора рабочих на Талке. Вы потворствуете фабрикантам в стачечной борьбе, оказывая им всякую помощь, чтобы сломить решимость рабочих. До сих пор ни одно законное требование не удовлетворено. Рабочие голодают вот уже месяц. Вы расстреляли рабочих на реке Талке, залили ее берега кровью. Но знайте, кровь рабочих, слезы женщин и детей перенесутся на улицы города и там все будет поставлено на карту борьбы.

Мы заявляем, что от своих требований не отступим.

Вот воля рабочих города Иваново-Вознесенска. Ждем немедленного ответа по телеграфу.

Совет рабочих депутатов».

Арсений кончил, передал бумажку председателю и спросил притихших рабочих:

— Ну как, товарищи?

Толпа сразу зашумела:

— Правильно!

— Требовать, а не клянчить, как нищие...

Но когда шум утих, выступил пожилой ткач.

— Нешто так можно, — с недоумением развел он руками. — Слишком резко составлено. Не разрешит.

Но все же протест был отправлен.

Энергичное выступление Совета, за которым стояли десятки тысяч рабочих, заставило власти пойти на уступки: собрания на Талке были разрешены. 23 июня рабочие после собрания на Талке двинулись в город на площадь. Когда

Начался митинг, полиция окружила площадь. Однако напасть на рабочих она не решилась.

Ораторы требовали:

— Хлеба и работы!

После выступления Фрунзе были выработаны требования к фабрикантам.

Совет рабочих депутатов отправил к фабрикантам делегацию. Фабриканты отказались принять требования рабочих. Совет объявил, что он снимает с себя ответственность за последствия... Доведенные нищетой и голодом до отчаяния, рабочие начали громить мучные и бакалейные лавки. Фабриканты пошли на уступки. Стачка закончилась 14 июля победой рабочих.

Власти не могли с этим примириться и разрабатывали план полного разгрома рабочего движения. Царское правительство попыталось предупредить повторение иваново-вознесенских событий в соседних промышленных районах и направило в Шую крупные воинские части. Но было уже поздно. Революционный пролетариат Шуи решительно выступил против эксплоататоров и царского самодержавия.

Большевистская партийная организация Иваново-Вознесенска, внимательно следившая за борьбой шуйских рабочих, для руководства и связи с ними послала в Шую Фрунзе.

*

Была тревожная осень 1905 года.

Во всех промышленных центрах страны начались организованные выступления рабочего класса. Во многих местах стачки и демонстрации переходили в баррикадные бои. И везде в этих авангардных битвах единственными политическими руководителями масс являлись большевики. Так было в Москве, Иваново-Вознесенске, так было и в Шуе...

Верный большевизму, Фрунзе призывает массы принять участие в этом великом движении. Из подпольной типографии, одна за другой, появляются прокламации, написанные Фрунзе. Эти прокламации, простым и ясным языком излагающие думы и надежды пролетариата, проникают на заводы, в цеха, рабочие квартиры.

Призывы к вооруженному восстанию не оставались безрезультатными. Возбуждение все росло, и шуйская полиция обратилась к губернатору с просьбой прислать казаков.

Однажды на станции железной дороги из товарных вагонов выгрузили лошадей... По городским улицам, гарцуя на застоявшихся конях, прошли две казачьи сотни.

Рабочие пришли к Фрунзе на его нелегальную квартиру.

— Ну, казаки теперь покажут, где раки зимуют.

Фрунзе успокоил рабочих.

— И казаки — люди...

На партийном собрании Фрунзе вносит предложение:

— Установить связь с казаками и начать среди них революционную пропаганду.

Его предупредили, что здесь нужна большая осторожность. Малейший необдуманный шаг может повлечь за собою провал.

Но Фрунзе уже давно все обдумал. Он долго присматривался к молодым рабочим-пропагандистам, посещавшим его кружок. Один из них показался ему наиболее подходящим. Фрунзе несколько раз побеседовал с ним, а затем, снабдив его прокламациями, кратко сказал:

— Действуй!

Рабочий, как и предполагал Фрунзе, оказался способным агитатором. Он познакомился с вахмистром Воротынцевым. После разговоров на общие темы перешли на политические. Вахмистр с сожалением заявил:

— Политика — дело темное... Я в ней никак не разберусь...

Агитатор подарил ему несколько брошюр.

Через несколько дней агитатор и вахмистр встретились опять.

— Ну как, читал книжки?

— Читал. Все в них правильно. Только жизнь не устроишь так, как там написано.

— Все можно, если взяться дружно... А другим казакам давал читать?

— Давал. Читали.

— Много у вас в отряде казаков, которые рассуждают так, как ты?

— Найдется человек пять-шесть.

По указанию Фрунзе, все шесть казаков вместе с вахмистром были приглашены на беседу. Агитатор рассказал им о том, как живут рабочие и чего они добиваются.

Успех окрылил агитатора. Он предложил устроить более обширное собрание.

Фрунзе задумался:

— Нужно быть осторожным. Тут может быть злейшая провокация...

На этот раз Фрунзе решил сам провести собрание.

Место сходки выбрано на еврейском кладбище, далеко за окраиной Шуи.

В тихий осенний вечер 1905 года, когда на небе медленно гасли краски заката, на могильных плитах, осыпанных багровыми березовыми листьями, расселось больше двух десятков казаков. Перед ними, опираясь на мраморный памятник какого-то промышленника, стоял молодой студент. С шумом носились галочьи стаи, заставляя студента повышать голос.

Фрунзе говорил долго. Казаки наперебой спрашивали. Все хотели получить ясный ответ на вопросы, с которыми они сталкивались как в казарме, так и за ее пределами.

Потом Фрунзе внезапно спросил казаков:

— Как вы будете себя вести, если вас пошлют разгонять рабочих?

Этот вопрос задел казаков за живое. Они повскакали с могильных плит.

— Поехать-то поедем, но пороть рабочих не будем!

В конце беседы казаки обратились к Фрунзе с просьбой написать от их имени письмо есаулу с предложением изменить свое бесчеловечное отношение к подчиненным.

Это необычайное собрание позволило Фрунзе установить постоянную связь с расквартированными в Шуе донскими казаками. Были посланы пропагандисты также в караульную и конвойную команды. Когда связи укрепились, Фрунзе разработал план захвата арсенала с оружием.

Неожиданно казачьи сотни были поспешно выведены из Шуи, а большинство солдат из караульной и конвойной команд заменены новыми. Какой-то провокатор выдал начальству план нападения на арсенал.

Полиция решила добраться до главного организатора «смуты». Она хватала рабочих без разбора. В ответ на полицейский террор боевая дружина стала снимать полицейских с постов, разоружать городовых и стражников.

Пролетарии Шуи вместе со всем российским пролетариатом высоко подняли знамя первой русской революции.

Осенью 1905 года волна демонстраций вновь прокатилась по всей стране. Крупная демонстрация готовилась и в Иваново-Вознесенске.

Партия снова направила туда Фрунзе.

По всей главной Ивановской улице двигался живой человеческий поток. Над ним алел кумач знамен, колеблемых осенним ветром. Шли мужчины и женщины, бородатые рабочие и веселые юнцы. В переулках стояли полицейские, озлобленные, готовые к расправе. Но песня демонстрантов звучала как вызов:

«Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног,
Нам не нужно златого кумира,
Ненавистен нам царский чертог».

Колонна демонстрантов направилась к окраине. Показалась тюремная ограда. Кирпичные неоштукатуренные корпуса тюрьмы с маленькими окнами за решетками внезапно очнулись от своего мрачного оцепенения. В переплетах решеток показались руки, кое-где замелькали красные платочки. Послышались крики:

— Да здравствует революция!

— Долой самодержавие!

Демонстранты остановились на площади перед тюремными воротами. Была послана делегация к тюремному начальству.

— Мы требуем освобождения политических заключенных.

Из камер доносился грозный шум. Тюремщики растерялись. Они знали, что у рабочих есть оружие и что в случае сопротивления стража будет смята... Загремели железные засовы. Несколько десятков политических заключенных были освобождены...

Радостные, возбужденные одержанной победой, демонстранты повернули к Талке. На берегу начался митинг. Далеко разносился голос Фрунзе:

— Товарищи! Половина России охвачена пламенем восстания. Сейчас всюду идет борьба не на жизнь, а на смерть. Решается вся наша последующая судьба. Победит рабочий класс в этой борьбе, добьется он демократической республики, для него будет обеспечена возможность свободной борьбы за счастье и светлое будущее; если же он окажется не на высоте своей задачи, если позволит обойти и обмануть себя своим врагам, то в будущем ему предстоит та же каторжная жизнь, что и сейчас...

В то время как на берегу шел митинг, со стороны города показалась колонна второй демонстрации. Она приближалась со зловещим молчанием. Видны были тускло блестевшие церковные хоругви.

— Черная сотня! — раздались крики среди рабочих.

В первых рядах черносотенцев — купцов, домовладельцев, чиновников, дворников — несли портрет царя. Внезапно из-за задних рядов черносотенцев выскочили конные казаки и полицейские, — в руках черносотенцев тотчас же оказались колья и ножи. Засвистали, рассекая воздух и рабочие спины, нагайки, раздались выстрелы, послы-

шались вопли женщин... Рабочие сопротивлялись, стаскивали казаков с лошадей, сбивали с ног полицейских, выхватывали у черносотенцев дубины, но силы были неравны. Демонстранты бросились в лес, на поле осталось много изувеченных и убитых товарищей.

Побоище на Талке вызвало негодование рабочих всей страны.

Ивановская партийная организация поручила Фрунзе написать прокламацию о нападении черносотенцев на рабочую демонстрацию. Фрунзе с текстом прокламации явился в подпольную типографию. Она помещалась в подвале дома ярого черносотенца, одного из организаторов побоища на Талке.

Фрунзе, отдавая наборщику текст, сказал:

— Надо напечатать две тысячи листовок. Я дам тебе в помощь своих ребят...

Начали печатать.

Домовладелец услышал подозрительный стук в подвале. Он сказал об этом жене. Та с испугу завизжала:

— Ой, матушки, там фальшивые деньги печатают.

Домовладелец направился в полицию.

Фрунзе, узнав о переполохе в доме черносотенца, взял крестьянскую подводу и немедленно погрузил завернутые в одеяла и мешки шрифт, прокламации и разобранный станок.

Полиция решила захватить «фальшивомонетчиков» врасплох. Она явилась ночью. Обшарила подвал, но ничего не нашла.

Старший городовой набросился на домовладельца:

— Народ мутишь. Небось спьяну померещилось...

— Ей-богу, слышал: стучит и стучит...

— Это с похмелья у тебя в башке, дурной, стучит.

Фрунзе благополучно отправил типографию в Шую. После этого он направился в лес на конспиративное партийное собрание.

Около фабрики Витовых неожиданно из засады выскочил казачий разъезд:

— Стой! Руки вверх!

Казаки окружили Фрунзе, обшарили карманы и нашли револьвер. Как звери, набросились они на свою жертву.

— Студент! Революционер!

Несколькими ударами Фрунзе был сбит с ног. На шею казак набросил аркан и ударил лошадь... Петля грозила задушить Фрунзе. Он схватил руками веревку, встал и бросился бежать за лошадью, чтобы не быть удушенным. Осы-

335954

наемый ударами нагаек, Фрунзе совершал свой мучительный бег... Силы оставляли его.

Казаки поравнялись с палисадником и остановили лошадей.

— Лезь на забор!

Фрунзе думал, что палачи, видимо, натешились над ним и теперь хотят посадить его на лошадь. Он полез с петлей на шее на решетчатый палисадник. Но когда он встал на поперечную жердь, казак со всей силой стегнул лошадь. Она рванула. Ноги Фрунзе застряли в решетке, но он успел ухватиться рукой за аркан. Лошадь еще раз рванула, затрещал забор, — что-то хрустнуло в коленях, и Фрунзе без сознания рухнул на землю... След от этого падения остался на всю жизнь. При усиленной ходьбе коленная чашечка часто соскальзывала, и ее приходилось вправлять.

Фрунзе пришел в сознание в тюрьме. Он лежал на холодном каменном мокром полу. В темной камере стояла нестерпимая вонь. Все тело ныло, в ушах стоял непрерывный болезненный звон, губы были покрыты запекшейся кровью. Фрунзе хотел повернуться, но режущая боль в коленях не давала возможности сдвинуться с места.

Время ползло медленно. Сырой холод пронизывал все тело. Сознание временами угасало, проваливаясь в черную ледяную пустоту.

Неожиданно раздался скрип ржавого железа. Дверь открылась, и скудный свет керосинового фонаря бросил слабый луч в каменный мешок. Фрунзе увидел лужи крови на полу, зеленую плесень на стенах и в углу деревянную парашу, которая издавала зловоние. Кто-то над ним наклонился, звеня ключами.

Запахло махоркой и дегтем от сапог.

— Жив!

Фрунзе слабо простонал в ответ.

В камеру вошел еще кто-то.

— Не подох...

И одновременно Фрунзе почувствовал страшный удар в бок. Он снова потерял сознание, не чувствуя даже, как били его осатанелые тюремщики...

Несколько оправившись, Фрунзе написал прокурору протест от имени группы арестованных:

«...Мы, нижеподписавшиеся, были задержаны нарядом полиции и казаков и приведены в Ямскую арестантскую, где и подверглись избиению со стороны казаков и находящейся стражи арестного дома: нас били перед входной в

коридор дверью, в коридоре, в камере, причем били кулаками (всех), нагайками (всех), поленом...»

На допросах Фрунзе упорно молчал. У следователя не было каких-либо уличающих Фрунзе фактов, чтобы возбудить против него дело по обвинению в организации «беспорядков». Между тем, в либеральную печать проникли сведения о жестокой расправе с политическими арестованными. Поэтому власти, которые, конечно, не сомневались, что представлял собою Фрунзе, объявили ему, что он высылается под надзор полиции в Казань.

Фрунзе прибыл в Казань в сопровождении двух конвойных. Полицеймейстер, просмотрев бумаги Фрунзе, заявил:

— Вы уже второй раз высылаетесь... Неприлично себя ведете, молодой человек...

Фрунзе усмехнулся.

Полицеймейстер пристально посмотрел на него и строго сказал:

— Вести себя тихо. Являться в положенные дни на отметку в полицию... Затем дайте подписку, что самовольно не уедете из Казани...

Фрунзе подали бланк с напечатанным обязательством о невыезде, и он с легким сердцем подписал его.

Выйдя из полицейского управления, Фрунзе отправился на явочную квартиру. Казанские большевики его хорошо приняли и снабдили агитационной литературой.

— Когда уходит поезд из Казани? — спросил Фрунзе.

— Часа через два... А вы разве не переночуете у нас?

— С удовольствием, но меня ждут в Шуе...

По возвращении в Шую Фрунзе с головой ушел в партийную работу.

*

Подошло время выборов в Государственную думу.

Фрунзе по заданию партийной организации написал статью «Дума и народ», в которой излагал взгляд большевиков на Думу. Когда статья обсуждалась на партийном собрании, кто-то задал вопрос:

— А где же мы ее напечатаем?

Этот вопрос заставил всех задуматься. Но Фрунзе быстро нашел выход. По его предложению собрание постановило:

«Сделать вооруженный налет на типографию Лимонова и произвести там печатание».

Выполнение этого партийного задания было возложено на Фрунзе и рабочего Гусева.

Это было 17 января 1906 года.

Над Шуей сгущались зимние сумерки. На улицах зажглись редкие фонари. Фрунзе и Гусев расставили по улице, где находилась типография Лимонова, патрули и с пятнадцатью дружинниками вошли с оружием в руках в типографию.

Наборщики и печатники прекратили работу. Многие из них сразу догадались, кто были пришельцы.

Фрунзе обратился к рабочим с речью:

— Мы, товарищи, пришли с мирной целью. Мы просим посодействовать нам в выполнении одной важной задачи.

Пока Фрунзе объяснял рабочим, какую помощь они могут оказать партийной организации, несколько дружинников вошли в контору, где находился владелец.

— Руки вверх! Вы арестованы! Не пугайтесь, мы пришли только напечатать прокламации.

Один из дружинников сел у телефона.

В наборном цеху рабочие уже начали набирать статью. Гусев бегал от реала к реалу и кричал:

— Ребята, шевелись, дуй по-революционному!

Статья была отпечатана.

Перед уходом Фрунзе зашел к владельцу типографии.

— Через пятнадцать минут, но не раньше, после нашего ухода можете звонить в полицию.

Когда полиция явилась в типографию, она ничего не нашла. Рабочие на вопрос, знают ли они налетчиков, — ответили, что никогда их в глаза не видели. Но один рабочий решил поиздеваться над полицией.

— Самый главный из них был в белой шапке, — сообщил он.

Полиция бросилась по городу ловить и арестовывать всех, кто носил белую шапку.

На другой день жандармское управление меланхолически доносило губернатору:

«Совершено дерзкое нападение на частную типографию Лимонова вооруженными злоумышленниками. Напечатано две тысячи противоправительственных воззваний. Злоумышленники скрылись в неизвестном направлении. Листовки не отобраны. Есть арестованные».

*

Фрунзе с увлечением вел кропотливую, но благодарную работу по укреплению партийной организации. Он был пропагандистом и организатором кружков на предприятиях. Рабочих-пропагандистов, подготовленных в кружках, Фрунзе направлял в деревню. В результате в Шуйском и Юрье-

вецком уездах возникают крестьянские организации большевиков. Фрунзе был революционером ленинско-сталинского типа. Он хорошо понимал необходимость поддержки и развития крестьянского революционного движения и всячески способствовал этому.

Фрунзе жил нелегально и поэтому ему все время приходилось скрываться от полиции. Рабочие Шуи оберегали своего руководителя, зорко следили за тем, чтобы их любимец «Арсений» не попал в руки врагов. Ежеминутно надо было ждать ареста, засады, предательского нападения охранников. Последним было дано задание «при случае» без всякого шума убить Фрунзе...

Чаще всего Фрунзе находил приют на окраине Шуи, в поселке Маремьяновка. Там, окруженный деревьями, стоял одинокий домик, населенный рабочими. При некоторой изолированности от других строений поселка этот домик, благодаря своим надворным постройкам и саду, обладал большими удобствами. Из окон дома видна была дорога, ведущая в город. В саду стояли дуплистые деревья, где хранилось оружие, а подполье представляло собою тайник для хранения литературы.

Какому-то охраннику удалось проследить Фрунзе, когда он направлялся на митинг. Фрунзе заметил шпиона и долго кружил, чтобы сбить его с толку. Но тот не отставал. Фрунзе решил завлечь его в глухое место...

Потом, встретив своего товарища — рабочего Костю, Фрунзе рассказал:

— Вот иду на митинг, на кладбище. Смотрю, за мною следит человек. Я знаю, что это агент охранки. Зашел я за куст, прицелился и выстрелил, но не попал. Однако я так напугал негодяя, что он скрылся, как стрела. А мы сделали свое дело...

— Не меток ты, Арсений, — сказал Костя, — только зря заряд потерял.

— Ну, ничего, Костя, научимся. Мне от роду двадцать лет. Первая моя пуля была не метка, последняя попадет в самое сердце врагу.

*

Отзывчивый, веселый, всегда неутомимый и самоотверженный, Фрунзе заражал всех верой в конечное торжество великих идей, за которые боролись большевики. Бледное лицо, открытый лоб, темнорусые волнистые волосы, откинутые назад, и серые, светящиеся добротой глаза — таков облик Фрунзе, который сохранили друзья. Другим ста-

новился Фрунзе в часы напряженной борьбы. Грозно сверкали глаза, строгая морщина на лбу выдавала решимость. Тело казалось напряженным.

Фрунзе был крепко спаян с рабочим классом. Он вошел в рабочую семью как свой человек, разделяя с ней все жизненные невзгоды. Рабочие любили и оберегали его. Старые рабочие и работницы с нежностью называли его:

— Наш Миша...

Рискуя попасть в тюрьму, потерять работу, рабочие всячески помогали ему, а в опасные минуты готовы были пролить свою кровь в защиту молодого большевика Фрунзе.

Рабочие знали, что у Фрунзе нет другой цели в жизни, как борьба за дело рабочего класса, и что от этой цели он никогда не отступит.

— Арсений не выдаст, — говорили рабочие.

И когда в марте 1906 года по решению высших партийных органов в Стокгольме был созван IV (объединительный) съезд РСДРП, иваново-вознесенская организация послала в числе своих делегатов товарища Фрунзе. Это избрание свидетельствовало о том доверии, которым пользовался Фрунзе.

На IV съезде РСДРП было 49 делегатов-большевиков и 67 меньшевиков. Съезд обсуждал животрепещущие вопросы революционной борьбы: об аграрной программе, вооруженном восстании, вопросы текущего момента и др.

Велики и непримиримы были разногласия между меньшевиками и большевиками. В своем докладе об объединительном съезде В. И. Ленин дал такую оценку меньшевистской тактике: «...правое крыло не верит в полную победу настоящей, т.-е. буржуазно-демократической, революции в России, боится этой победы, не выставляет перед народом решительно и определенно лозунга этой победы. Оно всегда сбивается на ту в корне ошибочную и опошляющую марксизм мысль, будто буржуазную революцию может «делать» самостоятельно только буржуазия или что буржуазную революцию надлежит вести только буржуазии. Роль пролетариата, как передового борца за полную и решительную победу буржуазной революции, неясна правому крылу с.-д.» (Соч., т. IX, стр. 223).

Фрунзе с напряженным вниманием слушал Ленина, его беспощадную критику меньшевистской тактики. В прениях о текущем моменте выступил до того времени неизвестный еще Фрунзе оратор с энергичными удлиненными чертами лица, с короткими усами над резко очерченной линией рта

и живыми темными глазами. Он с поражающей четкостью и ясностью излагал позицию большевиков.

— Кто это? — шопотом спросил Фрунзе у соседа.

— Сталин.

В кулуарах съезда группа большевиков окружила Ленина. Среди них были Сталин, Ворошилов, Литвинов, Надежда Константиновна — верная спутница Ленина, Шаумян, Воровский и др.

Молодой большевик Фрунзе с любовью глядел на Ленина.

III. В ГОДЫ РЕАКЦИИ

Фрунзе вернулся в Шую.

Партийные товарищи, заботясь о безопасности Фрунзе, предложили ему перебраться в Иваново-Вознесенск.

— Город большой, меньше будешь заметен.

— Не беспокойтесь. Я сросся с Шуей и здесь еще много поработаю.

— А если мы тебе прикажем?

Фрунзе, как солдат на боевом посту, просто ответил:

— По приказу партии — хоть в огонь.

Но партийный комитет не стал настаивать, и Фрунзе продолжал свою работу в Шуе.

Наступили горячие дни по организации профессионального союза. У рабочих не было ни клуба, ни какого-либо подходящего помещения для собраний. На один вечер арендовали зал в гостинице «Лондон». Когда рабочие собрались, в зал вошли полицейские во главе с исправником Лавровым — следить «за порядком».

Настроение стало тревожным. Рабочие знали, что с докладом должен выступить Фрунзе, которого разыскивала полиция.

Председательствовавший, открыв собрание, объявил:

— По организационному вопросу слово для доклада предоставляется представителю из Москвы товарищу Санину. Тема доклада: «Профессиональное движение».

И за столом докладчика появился... Фрунзе.

Рабочие многозначительно переглянулись... Вот так «Санин»... Но больше всего была озадачена полиция. Она даже растерялась от столь дерзкой выходки. Однако, едва Фрунзе начал делать доклад, как его перебил исправник Лавров, который «во исполнение начертанного ему свыше приказания» говорить «Санину» запретил и потребовал от него документы. Рабочие встревоженно загудели. По-

лицейские пугливо озирались... Их было с десяток против нескольких сотен решительно настроенных рабочих. Исправник перетрусил.

Фрунзе продолжал доклад. Он длился полтора часа. Бодростью и верой в силы пролетариата звучал голос Фрунзе.

Начало профессиональной организации было заложено.

После доклада Фрунзе, окруженный плотной стеной рабочих, благополучно покинул собрание.

После русско-японской войны хлебные торговцы, пользуясь хозяйственной разрухой, значительно взвинтили цены на хлеб. Особенно это было ощутительно в потребляющих районах вроде Владимирской губернии. Городское самоуправление, состоящее из купцов и промышленников, ничего не делало для того, чтобы урегулировать хлебную торговлю и хлебопечение. Жалобы рабочих и протесты оставлялись без последствий. Тогда за это дело взялись большевики.

В городе началась «хлебная кампания» — борьба за снижение хлебных цен и упорядочение хлебной торговли. Комитет партии большевиков призвал рабочих к забастовке, организацию которой поручил Фрунзе. Это обеспечило успех забастовки.

Тысячи рабочих собрались на городской площади на митинг. Первым выступил Фрунзе.

Подъехали казаки. Они пытались разогнать митинг, но рабочие не расходились — и Фрунзе продолжал свою речь.

В стороне остановились казачий вахмистр и исправник Лавров. Вахмистр, увидев так близко неуловимого Арсения, обратился к исправнику:

— Разрешите, я его сниму. С одного выстрела уложу.

Стоявший рядом рабочий услышал эти слова. Он протиснулся к трибуне и предупредил Фрунзе.

Фрунзе обернулся к вахмистру и гневно крикнул:

— Стреляйте, негодяй! Вы можете убить меня, но не убьете революционного духа рабочих...

Митинг сорвать не удалось. Была избрана комиссия для ведения переговоров с городской думой и торговцами.

Хлебная кампания прошла успешно: она привела к установлению твердых цен на хлеб. При нищенском заработке рабочих снижение хлебных цен даже на полкопейки на фунт играло некоторую роль в бюджете рабочей семьи, но главное — массы все более и более убеждались в том, что большевики — единственная партия, защищающая интересы рабочего класса.

Приближалась весна 1907 года. Шла подготовка к первомайской демонстрации. Фрунзе все чаще менял свои конспиративные квартиры. В ночь на 24 марта Фрунзе нашел пристанище в домике рабочего Соколова на Малой Ивановской улице.

На рассвете раздался стук в дверь.

Фрунзе разбудил соседа Малышева.

— Поди узнай, в чем дело.

Малышев вышел в сени.

— Кто стучит?

— Отпирай, полиция...

Фрунзе накинул на себя пальто и прыгнул в окно. Дальше оставалось только перебраться через забор и уйти задами и огородами.

Но едва Фрунзе приблизился к забору, как оттуда сверкнули штыки винтовок. В огороде стояли стражники и городовые. Фрунзе выхватил из кармана оба свои револьвера. Он решил как можно дороже продать жизнь.

Но из окна послышался шопот жены Соколова:

— Арсений, не стреляй, они моих детей убьют...

Фрунзе посмотрел на винтовки полицейских, на встревоженную мать и бросил револьверы в снег.

Утром пристав допрашивал арестованного Фрунзе.

— Кто вы?

— Ни на какие вопросы отвечать не буду.

— Ваше имя?

— Арсений...

Но пристав и без этого знал кличку Фрунзе.

Наутро весть об аресте Фрунзе разнеслась по городу. Десятитысячная масса рабочих, бросив работу, направилась к тюрьме.

— Арсений! Освободите нам Арсения! — слышались крики.

Тюрьму охранял полицейский отряд. Полиция предупредила рабочих:

— Если подойдете близко, откроем огонь.

В то же время исправник Лавров срочно телеграфировал губернатору:

«Шуе арестован окружной агитатор Арсений. Все фабрики встали, требуют освобождения. Ожидаю столкновений... Необходимо немедленное подкрепление в составе не менее двух рот».

У стен тюрьмы готовилось кровавое столкновение. Решимость рабочих все росла. Их уже не пугали полицейские угрозы.

Фрунзе, слышавший крики рабочих, не хотел, чтобы его освобождение было оплачено кровью. Он передал из тюрьмы обращение к рабочим.

— Не рискуйте, не принимайте опасных мер...

Возбуждение, вызванное среди рабочих арестом Фрунзе, не улеглось.

Губернатор телеграфировал министру:

«Шуе — форменный бунт. Дал распоряжение военному начальству послать не менее роты, эскадрон драгун и сотню казаков».

На следующий день, 25 марта, под конвоем из двух рот пехоты и казачьей сотни Фрунзе повели на вокзал.

Тысячи людей немедленно двинулись по улицам к станции железной дороги. Полицейские, с трудом сдерживая напор людей, пытавшихся пробиться через конвой к Фрунзе, хрипло кричали:

— Осади назад!

В ответ раздавались возгласы:

— Кровопийцы!

— Обмойте свои окровавленные руки!

— Отдайте нам Арсения!

Подошли к вокзалу. Солдаты окружили станцию плотной стеной штыков. Многие рабочие все же проникли через станционный сад, поближе к вагону с решеткой. Остальные выстроились вдоль железнодорожного пути.

Паровоз загудел. Поезд тронулся. Из тысячи грудей вырвалось последнее приветствие:

— Прощай, товарищ Арсений!

*

Фрунзе привезли во владимирскую тюрьму. Вскоре он был вызван на допрос к прокурору.

— Кто вы, откуда, как ваше настоящее имя, фамилия?

— Я — сын титулярного советника Борис Константинович Тачапский.

— Ваше образование?

— Студент Петербургского политехнического института.

— А раньше что окончили?

— Восемь классов гимназии в городе Верном.

— Вы обвиняетесь в том, что состоите в Российской социал-демократической рабочей партии, которая поставила своей целью ниспровергнуть существующий в России строй путем вооруженного восстания. Верно ли это?

— Верно. И еще добавлю: наша цель — борьба за социализм.

— При аресте вы оказали вооруженное сопротивление.

— Да, оказал, но у меня нехватило сил дать достойный отпор.

— Вы возглавляли шуйскую и ивановскую боевые дружины?

— Да, участвовал в них как активный член.

— Вы стреляли в урядника Перлова?

— Не помню, — может быть, и стрелял. Я такой фамилии не помню.

— У вас есть товарищи по работе?

— Нет.

— Вы были при нападении на типографию Лимонова?

— Нет, не был.

— А как же при обыске у вас найдены листовки, напечатанные шрифтом из этой типографии? Как вы это объясните?

— Не думаю, чтобы лимоновский шрифт был чем-то примечателен, — такого шрифта на рынке сколько угодно.

— Вы участвовали в ивановской майской стачке?

— Да, участвовал.

— А на Талке 21 октября?

— Был.

— Не скажете ли, какая была ваша рэль?

— Моя роль — научиться у рабочих, как вести классовую борьбу с капиталистами.

— Ну и что же? Научились чему-нибудь?

— Иваново-вознесенская стачка, длившаяся три месяца, показала мне силу рабочего класса, размер этой силы, о которой вы не имеете никакого представления. Я убедился, что эту силу нельзя заставить терпеть гнет даже при помощи штыков и винтовок.

Фрунзе не отрицал того, что полиции уже было известно от провокаторов. Фрунзе не хотел усложнять следствие и привлекать к делу новых лиц. Всю тяжесть вины он взял на себя.

Пока шло следствие, Фрунзе не терял времени. Он с первых же дней заключения начал читать, учиться. Казалось, он ждал этого невольного досуга, чтобы жадно засесть за книги.

Шуйские пролетарии еще раз попытались освободить Фрунзе. Но какой-то провокатор предупредил об этом охранку.

Владимирский губернатор срочно уведомил начальника тюрьмы: «Шуйская боевая дружина, по постановлению революционного комитета и союза фабричных рабочих из

Иваново-Вознесенска, Кохмы и Шуи, собирается к определенному времени прибыть в г. Владимир и нападением на исправительное арестное отделение освободить Арсения».

Томительно шли дни тюремного заключения. Следствие двигалось медленно. Прокурор не хотел выпускать из рук свою жертву. Наконец, нужная статья — 103-я — найдена. По согласованию с военным министром, командующим войсками и другими инстанциями, дело Фрунзе, Гусева и других передано на рассмотрение военно-окружного суда. Фрунзе будут судить по законам военного времени. Ему угрожает смертная казнь.

Настал день суда — 26 января 1909 года. В зале было пусто: дело слушалось при закрытых дверях.

Председательствовал генерал-майор Милков — грубый, тупой солдафон, который не хотел считаться даже с принятым порядком ведения процесса.

После недолгого судоговорения был объявлен приговор:

«...По лишении всех прав состояния, подвергнуть смертной казни через повешение...»

Через день председатель суда сделал на приговоре пометку:

«Поводов к подаче протеста не имеется».

Фрунзе переодели в арестантский халат, заковали в кандалы и поместили в камеру смертников.

IV. ПОСЛЕ ПРИГОВОРА

Камера смертников...

Осужденные сидят молча, настороженно вслушиваясь в каждый шорох. Ночью в камере слышен глухой подавленный плач.

Фрунзе спокоен.

Водворившись в камеру смертников, он попросил у начальства учебник английского языка и разрешение сфотографироваться.

— Пошлю всем знакомым и родным по карточке.

Фотография эта сохранилась. На поблекшей карточке — открытое, благородное лицо, устремленные вдаль светящиеся умом глаза и спокойно сложенные на коленях руки. Ничем эта фотография не выдает человека, над которым уже занесена рука палача.

Утром, когда в камеру смертников заглядывали первые проблески дня, Фрунзе садился за изучение английского языка. Его ум не терпел праздности. Каждая минута скупо отпущенной жизни должна быть заполнена деятельностью.

Его могучую волю к борьбе не мог сломить призрак виселицы.

Дни ожидания казни были невыразимо тяжелыми. Фрунзе рассказывал:

«Это трагические были часы. В это время на глазах у всех уводили вешать. От спокойных товарищей услышишь слово: «Прощай, жизнь! Свобода, прощай!» Дальше звон цепей и кандалов делается все тише и тише. Потом заскрипят железные двери тюрьмы, и все стихнет. Сидят ребята и гадают: «Чья же очередь завтра ночью? Вот уже пятого увели!» Слез было немного. Деревянное лицо смертника, стеклянные глаза, слабая поступь — вот и все».

Суд, стремясь во что бы то ни стало отправить Фрунзе на виселицу, допустил ряд грубых ошибок. Он отказал Фрунзе в вызове свидетелей, не известил защитника о слушании дела, не дал ему своевременно ознакомиться с делом.

Кроме того судебная расправа вызвала возмущение не только среди рабочих, но и среди интеллигенции, у которой Фрунзе пользовался популярностью.

Защита подала в главный военный суд кассационную жалобу.

Фрунзе об этом не знал.

Достигнув значительных успехов в изучении английского языка, он стал штудировать «Политическую экономию в связи с финансами» Ходского, «Введение в изучение права и нравственности» Петражицкого.

Соседи по камере с изумлением смотрели на него.

— Никак он палачам хочет прочесть лекцию о праве и нравственности?

Через два с половиной месяца ожидания казни дверь камеры распахнулась, и надзиратель крикнул:

— Фрунзе — в контору!

Так обычно вызывали смертников, для которых уже был построен эшафот.

Выходя из камеры, Фрунзе крикнул:

— Прощайте, товарищи! Меня ведут повесить...

Тюрьма загудела. Послышались стук в дверь, крики:

— Палачи! Убийцы!

— Прощай, дорогой товарищ!

Фрунзе привели в тюремную канцелярию. Там он увидел своего защитника.

— Зачем вы меня успокаиваете, обманываете... Я не мальчик, да и не хочу этого.

Когда пришел тюремный кузнец и расковал кандалы, Фрунзе недоверчиво спросил:

— Значит, я могу еще жить?

Судебная процедура была нарушена настолько грубо, что высшим судебным инстанциям пришлось отменить приговор. Главный военный суд был так зол на председателя суда, не сумевшего сразу же послать Фрунзе на виселицу, что закатил ему выговор: «Председательствовавшему по настоящему делу военному судье — генерал-майору Милкову за допущенные нарушения объявить выговор».

Над Фрунзе был назначен новый суд.

Царское правительство делало все, чтобы на этот раз его жертва не вырвалась. Военный прокурор генерал-майор Домбровский подал главному военному прокурору рапорт, в котором, между прочим, писал:

«Признавая необходимым... лично поддержать обвинение по делу Михаила Фрунзе... прошу ваше высокопревосходительство разрешить мне выехать в гор. Владимир, где будет открыт временный военный суд для рассмотрения сего дела».

Фрунзе, конечно, заранее знал исход нового суда. Накануне процесса он вызвал защитника и решительно заявил:

— Беру с вас слово, что ни вы, ни мои родственники не подадите прошения царю о помиловании...

Защитник ласково потрепал Фрунзе по плечу:

— Милый юноша, ну на кой чорт вам нужно все это? Отрекитесь-ка от своих пролетариев, скажите, что по молодости лет увлеклись научной стороной социализма, и я даю гарантию, что вас помилуют.

Фрунзе вскочил.

— Я не нуждаюсь в вашей помощи, — побледнев от гнева, произнес он.

Несколько успокоившись, сказал озадаченному защитнику:

— Я люблю только удачные шутки...

Партийная организация прислала Фрунзе указание: не бойкотировать суда, энергично себя защищать...

Суд начался 22 сентября 1910 года.

Фрунзе держался спокойно. И когда вынесли второй приговор — к смертной казни через повешение — ни один мускул не дрогнул на его лице. Он смело смотрел в глаза своим судьям-палачам.

Новый смертный приговор вызвал возмущение даже либеральной печати. Под давлением общественного негодования царское правительство заменило смертную казнь каторгой.

Фрунзе заковали в кандалы. Впереди предстояли 10 лет каторжных работ.

Фрунзе с увлечением занимался столярным делом. Но больше всего приходилось сколачивать гробы. В тюрьме долго не засиживались: невыносимый режим и отвратительная пища делали свое дело...

Но вот заболел и сам Фрунзе. У него было воспаление легких. Начался туберкулезный процесс... Тюремные стены грозили Фрунзе гибелью.

Возникла мысль о побеге.

Весной 1911 года вместе с пятью матросами, осужденными за участие в восстании во флоте, Фрунзе начал вести подкоп из тюремных мастерских, где работали каторжане.

Воля!..

От этой мысли даже дух захватывало.

Подкоп подходил к концу. Заготовили пилки, чтобы распилить кандалы. По ночам матросы с Фрунзе шептались о предстоящем побеге. Но бежать не удалось. Их выдал один негодяй, уголовник. Фрунзе и его друзья были жестоко избиты и брошены в карцер. Фрунзе, кроме того, заковали еще в ручные кандалы. Под их звон была надолго похоронена мечта о скорой воле.

В 1912 году Фрунзе перевели в николаевскую каторжную тюрьму.

Когда туда прибыла новая партия каторжан, начальник тюрьмы Колченко, закоренелый палач и истязатель, осмотрев своих пленников, спросил:

— Кто тут Фрунзе?

— Я.

— Политический?

— Да.

— Переведен по слабости здоровья?

— Да.

— Вот я тебя вылечу... У меня — тише воды. Чуть что — розги, карцер, попробуешь и не обрадуешься.

Голодные, измученные каторжане, гремя кандалами, уныло разбрелись по камерам. Все те же постылые стены, озверевшие надзиратели.

Один из них, провожая Фрунзе в камеру, по дороге несколько раз ткнул его ключом в бок. Фрунзе с презрением посмотрел на своего врага.

Надзиратель ударил Фрунзе ножнами шашки по спине и злобно прошипел:

— Ты себе не думай. У нас не уйдешь. Ты только подумаешь, а нам уже известно. Всыпем полсотни горячих пониже спины, а потом сгноим в карцере... политик!

Началась серая и однообразная жизнь в каторжной тюрьме.

Фрунзе поддерживал бодрость в своих товарищах. Он быстро и легко завоевал их симпатии. В своих воспоминаниях один анархист, сосед Фрунзе по камере, рассказывает:

«М. В. быстро стал пользоваться уважением и любовью товарищей... М. В. отдавал все, что получал из дому, и не интересовался, как и на что расходовались эти деньги... Слишком общественный он был человек. Для него были все равны: и эллин, и иудей, рабочий, крестьянин, даже уголовный, лишь бы он был с мозгами и не несло от него мертвечиной. Удивительная способность сразу понимать человека, его интересы и стремления, простой толковый язык, всегда дельный совет — все это создало ему огромную популярность, и каждый, встречавшийся с ним, считал его своим...»

В одном из писем к друзьям Фрунзе писал из тюрьмы:

«На мне возят воду. Чувствую себя слабым. Пришлите письмо с нарочным. Хочется узнать о действительной жизни. Но не теряю бодрости духа. Судя по лицу даже тюремной стражи, вижу, что на воле повеяло новыми веяниями, по солнцу вижу перемену жизни. Надо переносить все до конца».

Началась империалистическая война.

По случайным вестям, по редко попадавшим газетам Фрунзе, как марксист, предвидел неизбежность столкновения империалистических государств. Ведя политическую работу среди заключенных, он говорил им:

— Готовьтесь, товарищи, набирайте знания, скоро все пригодится.

Каторга проявила к войне интерес чрезвычайный. Бывшие в те годы на каторге рассказывают: «Из тюремной библиотеки были разобраны буквально все географические атласы; во всех камерах политических висели большие карты военных действий с нанесенными посредством флажков границами фронтов. А сколько споров происходило тогда из-за этих флажков! Если, например, в телеграммах сообщалось, что войска отступили к Люблину, «пораженцы» понимали это, что Люблин взят, а «патриоты» утверждали противное. При наступлении же возникало обратное толкование».

Фрунзе отлично разбирался в значении военных операций. В этом ему помогли те знания, которые он почерпнул еще в юности из книг по военной истории. Стоя у карты,

Фрунзе объяснял, где будут наступать немцы и почему; какой пункт должны защищать французы и т. д. Товарищи поражались тому, что предсказания Фрунзе неизменно сбывались.

В конце 1914 года Фрунзе был освобожден из каторжной тюрьмы и сослан на вечное поселение в Сибирь, — в Верхоленский уезд Иркутской губернии.

Перед выходом из тюрьмы товарищи по заключению собрали Фрунзе в дорогу сухарей, кто-то отдал даже пару белья. Последнюю ночь не спали — провели за разговорами.

С душевной теплотой прощались с Фрунзе оставшиеся.

Надзиратель, открывая дверь камеры, хмуро сказал:

— Выходи, вырвался живой, твое счастье...

Почти нет большевика-подпольщика, в послужном списке которого не значилось бы: «находился в ссылке». Ленин, Сталин, Ворошилов, Дзержинский, Киров, Свердлов, Орджоникидзе — все эти строители большевистской партии прошли через ссылку. Но и в глухих селах и городах Севера и Сибири большевики не прекращали своей революционной работы.

Фрунзе, поселенный в селе Манзурка, становится руководителем колонии политических ссыльных. Дискуссии, теоретическая разработка вопросов большевизма и яростная борьба с меньшевиками всецело поглощают его.

Раздобыв с большим трудом литературу по военным вопросам, Фрунзе организует кружок по изучению военного искусства. Он не забывал указания Ленина, что большевики должны изучать военное дело для предстоящей борьбы за дело коммунизма. Успех кружка по изучению военного искусства был огромный. Благодаря ему многие из политических приобщились к военным знаниям. Но на эту своеобразную «академию генерального штаба» власти обратили внимание. Им померещилось, что Фрунзе готовит военное восстание. Кружок был разогнан. Фрунзе арестовывают и по этапу отправляют в иркутскую тюрьму.

В пути остановились на этапной ночлежке. Фрунзе и других политических ссыльных поместили за дощатую перегородку. В большой общей комнате находились крестьяне-переселенцы.

К ним пришел полицейский пристав. Он обратился к переселенцам с речью:

— Кто народ мутит? Из-за кого в нашей стране смута, беспорядки, жить плохо? Все из-за этих проклятых политиков...

Пристав указал на дощатую перегородку:

— Вот эти политики хотят продать Россию немцам... Шею им за это свернуть надо...

Среди переселенцев было много темных, несознательных людей. Озлобленные мытарствами переселения, готовые сорвать свою злость на ком угодно, они подхватили призыв пристава. Послышались угрожающие крики по адресу политических:

— Бей их!

Фрунзе это слышал. Он вышиб плечом дверь и смело появился среди возбужденных крестьян:

— Кто хочет бить, начинайте!..

Шум стих. Наступило неловкое молчание.

Фрунзе обратился к переселенцам. Он рассказал им, кто такие социалисты и за что они борются.

Крестьяне слушали молча. Когда Фрунзе кончил, они горячо поблагодарили его:

— Спасибо!.. Нам такие слова не доводилось слышать. Правду-то от всех скрывают...

На следующем этапе Фрунзе бежит с почлежки. Он пробирается пешком в Иркутск, а оттуда в Читу. Здесь он получает от подпольной организации нелегальный паспорт на имя Василенко и с головой уходит в работу. Вместе с товарищами организует журнал «Восточное обозрение». Но охранка раскрывает, кто такой Василенко. Вовремя заметив опасность, Фрунзе, с паспортом уже на имя Михайлова, уезжает в Петроград.

V. ПОД ЗНАМЕНЕМ ОКТЯБРЯ

Страна истекала кровью.

Миллионы рабочих и крестьян были загнаны в окопы, тянувшиеся от Балтийского до Черного моря, воевать во имя интересов капиталистов и помещиков. Страна неотвратимо катилась в пропасть разрухи: деревня нищала, в городах голодали рабочие. В армии усиливалось недовольство, росло дезертирство.

Среди большевиков, посланных партией на фронт для подготовки солдатской массы к борьбе с самодержавием, находился и Михаил Васильевич Фрунзе.

С документами на имя Михайлова Фрунзе поступил на службу в Земский союз (организация, занимавшаяся обслуживанием тыла действующей армии) и уехал на Западный фронт. Его блестящие способности организатора были

быстро оценены начальством. Фрунзе давали ответственные поручения, и он свободно разъезжал в пределах Минского района, где было сосредоточено большое количество войск.

Несмотря на бдительность фронтового начальства, он сумел создать ряд подпольных организаций и установить связь с революционно настроенными солдатами, которыми руководил минский центр. Идеи большевизма находили все большее распространение среди солдат. Приближался февраль 1917 года.

И вот в Петрограде прогремели первые раскаты так долго подготовлявшейся большевиками революции. Докатилась она и до фронта. Генералитет царской армии и монархическое офицерство в первые дни растерялись. Но оправившись от первого испуга, они стали сплачивать силы контрреволюции. Минск превращается в важный политический центр. Сюда стекаются контрреволюционные офицеры, но здесь же сосредоточены революционно настроенные войсковые части. Фрунзе тоже перебирается в Минск. Он со всей кипучей энергией и страстью большевика отдается делу революции. При непосредственном участии Фрунзе Минский совет превращается в центр революционного движения на всем Западном фронте. Чтобы лишить контрреволюцию возможности использовать полицейский аппарат, последний немедленно уничтожается и создается милиция, которую Фрунзе возглавляет как начальник.

Для успешного ведения борьбы с контрреволюцией и завоевания армии решено выпускать газету «Звезда». Она была создана при ближайшем участии Фрунзе. «Звезда» вела неустанную, настойчивую пропаганду, разъяснявшую солдатам смысл событий, задачи революции, разоблачала ложь и клевету соглашательских и буржуазных партий.

Большую работу проводил Михаил Васильевич и среди крестьян. Он быстро завоевал доверие местного трудового крестьянства. Последнее, высоко ценя его, избирало его своим представителем на все съезды и в том числе на всероссийский крестьянский съезд.

В конце августа 1917 года Фрунзе приезжает в Иваново-Вознесенск.

По соглашению с партийным комитетом Михаил Васильевич избирает местом своей работы город Шую. Шуйские пролетарии с радостью встретили своего старого знакомого «Арсения».

Не только воспоминания о прошлом и сохранившиеся связи с рабочими массами заставили выбрать местом работы

Шую. Если в Иваново-Вознесенске и в таких промышленных центрах, как Тейково, Кохма, Родники, большинство в Советах принадлежало большевикам, то в Шуе сильно сказывалось эсеровское влияние. Надо было разоблачить контрреволюционную сущность эсеров и других лжесоциалистов и вырвать массы из-под их влияния. Непримиримый большевик, страстный трибун и талантливый организатор — Фрунзе наносит эсерам ряд смертельных ударов. Вскоре трудящиеся Шуи избирают его председателем Совета. Шуя, как и другие промышленные центры, превращается в несокрушимую твердыню пролетарской революции.

Октябрьская революция вызвала дикую злобу буржуазии. Российская контрреволюция не могла примириться с победой трудящихся. В Петрограде и в Москве шли бои. Командующий войсками Московского военного округа эсер Рябцев обратился с приказом к войскам провинциальных гарнизонов двигаться в Москву для «подавления вспыхнувших большевистских беспорядков». Такой приказ был послан и в Шую. Он попал в руки Фрунзе.

И Фрунзе поспешил Рябцеву «на помощь».

Быстро сформировав отряд из частей гарнизона и рабочих боевых дружин, Фрунзе немедленно двинулся в Москву. По пути к шуйскому отряду присоединилось еще несколько отрядов. Под руководством Фрунзе оказалось 2000 бойцов.

Поезд подошел к Ярославскому вокзалу.

Вот и Москва. Хмурое, сырое утро. Город кажется притихшим. Изредка доносятся орудийные выстрелы. Фрунзе сошел с паровоза, на котором он ехал всю дорогу, и, построив отряд на перроне, повел его на Лубянскую площадь.

На Театральной площади шел бой. Установив два трехдюймовых орудия, красногвардейцы обстреливали «Метрополь». Снаряды, ударяясь о стены гостиницы, рвались с неимоверным треском. Юнкера, засевшие в «Метрополе», никого не подпускали. Их меткий огонь сразил не одного отважного красногвардейца.

Подойдя со своим отрядом к Лубянской площади, Фрунзе под пулеметным огнем юнкеров повел шуйских пролетариев в атаку. Эта атака решила участь «Метрополя» — одной из последних опор контрреволюции.

Вечером 2 ноября Военно-революционный комитет издал приказ, который начинался словами: «Революционные войска победили...»

Фрунзе по возвращении из Москвы ведет широкую работу в городах Иваново-Вознесенской губернии. Он учит трудящихся управлять страной, налаживает работу многочисленных фабрик и заводов, формирует из ткачей красногвардейские отряды, а затем и полки Красной Армии и направляет их на защиту советской власти.

Крепла власть Советов. Освобожденные от вековой эксплоатации рабочие и трудящиеся крестьяне строили свое пролетарское государство. Но враги социализма не складывали оружия. На Украину двинулись полчища германских интервентов. На Дону и Урале бушевала кулацкая стихия. Пожар гражданской войны охватывал всю страну.

В конце лета 1918 года, после подавления контрреволюционного мятежа в Ярославле, Михаил Васильевич был назначен ярославским окружным военным комиссаром. Это назначение свидетельствовало о том огромном доверии, которым пользовался Фрунзе. Ярославль был подлинным гнездом контрреволюции. По поручению партии большевиков Фрунзе должен был покончить с остатками контрреволюционеров, окопавшихся в военных органах Ярославля, наладить военную работу.

VI. НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

Международный империализм, объединившись с внутренней контрреволюцией, пытался взорвать молодую социалистическую республику, разгромить ее. На севере высадились оккупанты, на востоке хозяйничали японские интервенты, Украина была под сапогом германского империализма, на Дону свил гнездо Краснов, в уральских и оренбургских степях разбойничали банды Дутова, в Сибири сколачивал свою армию Колчак.

Ленин и Сталин — великие стратеги пролетарской революции — неустанно ковали вооруженные силы республики. Они руководили борьбой с контрреволюцией, вдохновляли трудящихся на борьбу за социализм.

К концу 1918 года одним из решающих фронтов гражданской войны становится Восточный. Сколотив при прямой поддержке международного империализма трехсоттысячную армию, Колчак пытается нанести смертельный удар Советской России.

Партия посылает сюда лучших большевиков. Среди них был и М. В. Фрунзе, назначенный командующим 4-й красной армией.

Перед отъездом Фрунзе на фронт в иваново-вознесенском губкоме партии собралась группа большевиков. Толковали о делах партийных и военных.

— Положение совершенно исключительное, — говорил Фрунзе. — Надо в спешном порядке сделать армии вырывание живой рабочей силы, укрепить ее рабочими отрядами, мобилизовать партийных товарищей, — ЦК проводит партийную мобилизацию.

Заговорили о голоде, об остановившихся фабриках.

Фрунзе сказал:

— Откупорим пробку, что под Оренбургом, оттуда прямая дорога к туркестанскому хлопку...

Разговор перешел на личные темы. Вспоминали прошлое, погибших товарищей.

Кто-то запел, и все подхватили слова песни:

Уж ты, сад, ты мой сад,
Сад зеленый мой...

За обледенелыми окнами стояла безмолвная морозная декабрьская ночь. Фрунзе, подперев голову руками, подпевал, а сам был мысленно далеко — на Волге, на Урале.

*

К приезду Фрунзе, в начале 1919 года, положение на Восточном фронте было неустойчивое. Красная Армия вынуждена была приостановить наступление на центральном участке фронта и на уфимском направлении. На севере, при попустительстве предателя Троцкого, не выполнившего указания Ленина об укреплении позиций, была сдана Пермь.

В. И. Ленин и ЦК партии поручили И. В. Сталину и Ф. Э. Дзержинскому расследовать причины падения Перми. В своем докладе товарищу Ленину от 31 января 1919 года товарищ Сталин указал на предательский метод руководства Троцкого Восточным фронтом. Назначенные Троцким и при его попустительстве контрреволюционные военспецы довели управление армиями и дивизиями и руководство снабжением до развала.

Товарищ Сталин провел огромную работу по очистке и укреплению Восточного фронта, подготовив тот необходимый перелом, который позволил в ближайшее время перейти к наступлению. Своевременное вмешательство Ленина и Сталина обеспечило условия для разгрома Колчака.

Фрунзе, вступив в командование 4-й армией, энергично взялся за укрепление дисциплины, за повышение боеспособности частей, за усиление политической работы.

В частях 4-й армии царила расхлябанность, дисциплина отсутствовала, крепок был дух партизанщины.

Когда Фрунзе приехал в Уральск, город был полон частями: одни уходили на фронт, другие возвращались с позиций на отдых. В этом постоянном движении частей, шедших на фронт и с фронта, подчас трудно было разобраться. Сутолока усиливалась еще непрерывной и бессмысленной ружейной стрельбой.

— Почему это такая стрельба? — спросил Фрунзе.

— А так «палят по богу»...

Фрунзе приказал навести порядок. Глупая пальба прекратилась.

Незадолго до приезда Фрунзе одна из частей под влиянием контрреволюционной агитации взбунтовалась. Мятежники убили члена реввоенсовета Линдова.

Фрунзе решил в Уральске устроить смотр частям. Он сделал строгое внушение командному составу. Командиры молча выслушали и разошлись почему-то озлобленные.

Через некоторое время после парада Фрунзе получает пакет.

«Командарму 4. Предлагаю вам прибыть в 6 час. вечера на собрание командиров и комиссаров для объяснения по поводу ваших выговоров нам за парад.

Комбриг Плясунков».

Фрунзе оставил письмо без ответа. Но часа через три последовал второй ультиматум такого же рода.

Фрунзе приказал подать лошадь. Сотрудники его отговаривали. Кошмарное убийство Линдова не изгладилось из памяти. Фрунзе, взяв с собой адъютанта, поехал.

Командиры бригады Плясункова собирались в тускло освещенном помещении. Волны сизого табачного дыма плавали над сдвинутыми на затылок папахами. Шум был невероятный — каждый старался перекричать другого.

Вошел Фрунзе.

Разговоры смолкли.

— Здравствуйте, товарищи.

Никто не ответил на приветствие. Тишина стала зловещей... И вдруг кто-то из задних рядов крикнул:

— Товарищи, что же это такое? Мы воюем, кровь проливаем, а приезжают некоторые из центра и боевых командиров учат маршировать.

— Это вам не старый режим!

— Линдова забыли?

Фрунзе выпрямился.

— Прежде всего я заявляю вам, что я здесь не командующий армией. Командующий армией на таком собрании присутствовать не может и не должен. Я здесь — член коммунистической партии. И вот, от имени той партии, которая послала меня работать в армию, я подтверждаю вновь все свои замечания по поводу отмеченных мною недостатков в частях, командирами и комиссарами которых вы являетесь и ответственность за которые, следовательно, вы несете перед республикой.

Буйное настроение у слушателей стало спадать.

Фрунзе продолжал:

— Вы угрожаете мне. Этим вы меня не испугаете. Царский суд дважды посылал меня на смерть и не заставил меня отказаться от своих убеждений. Я безоружен и нахожусь здесь только со своим адъютантом. Я в ваших руках. Вы можете сделать со мной, что хотите, но я твердо заявляю по поводу сегодняшнего вызова меня сюда как командующего, что в случае повторения подобных явлений буду карать самым беспощадным образом, вплоть до расстрела. Нарушая дисциплину, вы разрушаете армию. Советская власть этого не допустит.

Фрунзе кончил и обвел слушателей глазами:

— Имеете еще что-нибудь?

Командиры смущенно молчали.

Фрунзе медленно направился к двери. Кто-то вскочил и, пробежав вперед, открыл дверь:

— Пожалуйста, товарищ командующий.

А через несколько дней тот самый Плясунков, который предъявил Фрунзе свой «ультиматум», прислал записку:

«Дорогой товарищ Фрунзе, — писал он, — так как красному командиру иметь при себе жену нецелесообразно, прошу вас взять ее с собой и отправить на родину...»

Фрунзе, прочитав записку, рассмеялся:

— Ну что ж, возьмем эту нецелесообразную жену и доставим по назначению.

Впоследствии Плясунков показал себя храбрым командиром и был награжден орденом Красного Знамени. Плясунков погиб при подавлении антоновского мятежа в Тамбове: он застрелился, не желая попасть в плен.

Фрунзе неутомимо разъезжал по фронту, знакомился с частями своей армии, лично руководил важнейшими боями. Красноармейцы часто могли видеть этого коренастого

плотного человека, одетого в поношенную защитную гимнастерку, который, приветливо здороваясь, по обыкновению спрашивал:

— Как дела, что нового на вашем участке?

Михаил Васильевич обладал удивительной способностью привлекать к себе людей. Он легко уступал, если видел свою неправоту, охотно признавал свои ошибки.

У него было отзывчивое сердце, светлая улыбка, которую он пронес сквозь каторжные тюрьмы, и великодушие хорошего товарища. Но в то же время в его сердце, бившемся для счастья трудящихся, жила неугасимая ненависть к эксплоататорам, к двурушникам, к болтунам.

Фрунзе пользовался необычайным авторитетом среди бойцов и командиров. Однажды, в феврале, когда Фрунзе был в Самаре, к нему в штаб пришел в валенках и башлыке командир со смущенной улыбкой под усами. Он представился командующему:

— Чапаев... Прибыл в ваше распоряжение из Академии генерального штаба...

Через несколько минут они сидели друг против друга, и Фрунзе, ероша волосы, хохотал до слез, слушая рассказ Чапаева об его учебе в военной академии.

— Учился скверно. Порохом я весь пропитан, белоказаки у меня в уме, ничего в голову не лезет. Да и не всякая ученость мне нужна... Был у меня экзамен по военной географии. Есть и такая наука. «Скажите, слушатель, какое стратегическое значение имеет река Неман?» — спрашивает меня профессор один. Гляжу я на него, а он одет в старый генеральский мундир и даже на мундире видны следы от погон и крестов. Известно, профессора сильно учены, однако, меня взорвало. «А вы, профессор, — говорю ему, — скажите, какое оперативное значение имеет река Солянка?» Профессор усмехнулся. «Такой реки, — говорит, — нет. А если и есть, то она к войне без отношения». Тут я ему спокойно отвечаю: «Реку Неман, товарищ профессор, я знаю, так как на ней был ранен, а река Солянка протекает на границе земель Уральского казачьего войска, и на этой реке Красная армия весь 1918 год вела бои с белоказаками. Об этом, — говорю, — в истории будет записано...»

Фрунзе назначил Чапаева начальником Александро-Гайской бригады.

— Вы должны вдохнуть в бригаду тот победный дух, которым проникнуты все чапаевские полки, — сказал он ему.

— Слушаюсь! Приказ выполню.

Фрунзе высоко ценил непобедимые чапаевские полки. Он внимательно приглядывался к чапаевцам — красноармейцам и командирам, изучал их, старался поднять дисциплину, улучшить партийно-политическую работу.

Беседуя с начальником политотдела армии Трониным, Фрунзе задумчиво говорил:

— Интересный народ, как и сам командир Чапаев. Послали его учиться в Москву, а он стал чахнуть и просить отозвать на любую должность, только в часть. «Томиться, — говорит, — понапрасну в стенах не согласен. Это мне, как тюрьма. А если не отзовете, пойду к доктору, который меня освободит...» Сейчас Чапаев в своей стихии. И стихия, как видите, особенная, бодрящая. Правда, и достается от нее, особенно новичкам-политработникам. Чапаевцы любят испытывать незнакомого человека. Тут целая система. Сначала идет испытание на выносливость. Им, как правило, дают вконец изношенное обмундирование. Ватник дадут — сойдешь в нем за чучело. Шинелью наградят, так лошади шарахаются. А закапризничает человек, один ответ: «Нет. Мы сами не в лучших ходили. Вот у белых отберем, дадим генеральскую». И на политику тоже испытание. Мастера ехидные вопросы задавать. Повторяют то, чему у казаков наслушались. Зададут этакий вопрос с подковыркой и наблюдают: не растеряется человек, крепок он в политике или так себе. Малосообразительный сразу в панику: пишет — кругом, мол, контрреволюция. Но послушай тот же паникер, как иной чапаевец разносит контрреволюционера за те же ехидные вопросы, которые сам задает политработнику, и ему станет неловко за свои подозрения. Хороших политработников чапаевцы признают, гордятся ими. Но их еще мало.

Когда молодой большевик-писатель Д. Фурманов прибыл в 4-ю армию вместе с полком иваново-вознесенских ткачей, Фрунзе страшно обрадовался.

— Отлично! — сказал он. — Эти не выдадут, я своих земляков знаю.

Фурманов подробно рассказал, как иваново-вознесенские ткачи провожали своих земляков на фронт.

— На вокзал стеклась целая толпа провожающих, — говорил он. — Прощались горячо, крепко. А когда эшелон тронулся, нам крикнули: «Смотрите же, не посрамите красную губернию ткачей!»

Фрунзе взволновался. Он вскочил и начал ходить из угла в угол.

— Так и сказали? — переспрашивал он. — Не посрамите красную губернию ткачей? Очень хорошо. Отличный наказ Не посрамим, ей-ей, не посрамим!..

*

Изучив обстановку на фронте, Фрунзе пришел к неутешительным выводам. 1 марта в разговоре по прямому проводу с командующим фронтом Фрунзе сообщил:

«Армия до сих пор не может еще считаться совершенно оздоровевшей. На основании впечатлений от личного посещения почти всех частей армии одну из главных причин этого вижу в плохом составе комиссаров частей, слаб и командный состав. Особенно плохо обстоит дело со специальными родами оружия (артиллерия). Низ армии оторван от верха. Меры для устранения указанных недостатков приняты, и результаты начинают сказываться. Количественно армия страшно слаба, число штыков едва составляет 6 000. В отдельных полках оно падает до 250. Усилия направлены к тому, чтобы довести действующие части до состояния боеспособности. В этих видах мною снято с тыла и отправлено на фронт все, что только возможно. Только в этом начатом уже направлении ведем формирование. Оружия в частях армии абсолютно нет, нет и запасных частей... Проводится мобилизация всего населения, производится реорганизация частей. Тем не менее, задачу разгрома живых сил врага надеюсь осуществить в течение одного месяца при условии немедленной присылки пополнения, оружия».

Такова была обстановка на фронте и таково было состояние 4-й армии, которой командовал Фрунзе.

В начале марта Колчак перешел в наступление. На 5-ю красную армию, имевшую 11 200 штыков, обрушилась ударная, так называемая Западная армия генерала Ханжина численностью в 40 000 штыков и сабель. Белые не только заняли Уфу, но продвинулись на 250—300 километров по направлению к Волго-Бугульминской и Самаро-Златоустовской железным дорогам, угрожая Чистополю и Самаре.

Враг приближался к рубежу Средней Волги и Камы. Под угрозой находились Симбирск и Казань. Выход противника на рубеж Средней Волги означал стратегический прорыв Восточного фронта и давал противнику выгоднее исходное положение для вторжения в глубь страны по семи железнодорожным магистралям, отходящим от Волги; передавал в его руки крупную водную линию сообщения, хлебные запасы приволжских и прикамских городов, давал надежду на соединение с армиями южной контрреволюции.

Предатель Троцкий утверждал, что остановить наступление армий Колчака невозможно. Троцкий готов был открыть врагу ворота в глубь страны. Партия отвергла пораженческий план, рассчитанный на торжество контрреволюции.

Сейчас, когда известны мотивы, которые руководили Троцким — гнусным предателем, шпионом германской разведки и убийцей, становится совершенно очевидным и бесспорным, что его саботаж разгрома Колчака является не каким-либо заблуждением, а намеренным стремлением добиться поражения Советской России, разгрома Красной армии, уничтожения советской власти и восстановления господства буржуазии. Лицемерие презренного Иуды-Троцкого помогало последнему под шелухой трескучих фраз прикрывать свою омерзительную сущность. И теперь понятна его ненависть, которую он питал к Фрунзе, в котором видел стойкого последователя Ленина и Сталина.

В эти дни собрался VIII съезд партии большевиков, на котором обсуждался военный вопрос. Съезд констатировал, что при попустительстве Троцкого вооруженные силы республики не отвечают тем задачам, которые встали перед ними, в частности на Восточном фронте.

Партия большевиков признала Восточный фронт важнейшим. «Все на борьбу с Колчаком!» — под этим лозунгом партия стала проводить мобилизацию сил страны для оказания отпора врагу. В ряды Красной Армии были направлены десятки тысяч коммунистов, рабочих и крестьян. Профсоюзы послали на фронт 25 000 своих членов, комсомол — 3000 юных героев.

Восточный фронт почувствовал приток энергии. Обновлялся командный и военно-политический состав. Ленин лично занимался вопросами оказания помощи Восточному фронту. Под его руководством разрабатывался план разгрома Колчака. Энергии Ленина хватало на все—от отправки пополнения на фронт до организации подпольных большевистских ячеек в тылу Колчака. Ленин заботился о снарядах для фронта и о помощи оставшимся в тылу семьям бойцов.

Центральный Комитет партии в принятых тезисах, написанных Лениным, дал четкую директиву: напрячь все силы, развернуть революционную энергию, чтобы быстро разбить Колчака, — тогда Волга, Урал, Сибирь будут защищены и отвоеваны.

На Фрунзе было возложено командование Южной группой войск Восточного фронта. В Реввоенсовет Южной группы в качестве его члена был назначен выдающийся большевик В. В. Куйбышев.

Фрунзе разработал план операций, который должен был привести к разгрому основных сил Колчака. Идя на жертвы на второстепенных участках фронта, Фрунзе решает ударить по выдвинувшейся армии Колчака, причем этот удар наносить не с фронта, а с фланга — с юга на северо-восток, с тем, чтобы отбросить белые армии за Урал и не позволить им соединиться с армиями южной контрреволюции. Общая численность сил, которыми располагал Фрунзе, доходила до 60 000 бойцов против 85 000 белых, при протяжении фронта около 800 километров.

План операции, разработанный М. В. Фрунзе, был одобрен товарищем Лениным.

Свою ударную группу, в состав которой входила легендарная 25-я дивизия под командованием народного героя В. И. Чапаева, Фрунзе сосредоточивает под Бузулуком. Не зная отдыха, дни и ночи напролет Фрунзе готовит силы для решительного сражения с Колчаком. Эту напряженную работу делит с Фрунзе верный большевик Куйбышев.

С взлохмаченной шевелюрой и припухшими от бессонницы веками, неутомимый Валериан Владимирович Куйбышев всегда был рядом с Фрунзе. Боевое содружество двух большевиков-подпольщиков, верных учеников Ленина и Сталина, обеспечило правильное руководство и политическое воспитание бойцов.

Куйбышев, не знавший страха в боевой обстановке, обладал прямым и ясным умом и был глубоко предан делу пролетарской революции и социалистической родине. Пламенный агитатор и политический воспитатель масс, Куйбышев с винтовкой в руках и гранатой за поясом примерами своего героизма увлекал красноармейцев на великие подвиги.

И фронт, воодушевляемый призывами Ленина и зараженный большевистской энергией Фрунзе и Куйбышева, был охвачен нетерпеливым желанием броситься всеми силами на врага.

*

Колчак возлагал на Западную армию генерала Ханжина огромные надежды. Он выделил в эту армию свои отборные войска: Ижевскую бригаду, корпус Каппеля, состоявший из ударных офицерских частей, и др. Эта армия должна была нанести главный удар по красным силам.

Фрунзе решил вырвать инициативу из рук Колчака. Передовые разъезды Колчака уже показались под Бузулуком. Враг после победы, одержанной под Белебеем и Бугурусланом, стремился форсировать Волгу и вонзить свое

смертельное жало в самую грудь Советской республики. Колчак дал клятву — войти победителем в Москву.

Фрунзе дал большевистское слово — взять Уфу. Он принял решение движением на Бугуруслан — Бугульму окружить белую Западную армию и уничтожить ее.

Большую помощь оказала Фрунзе разведка. Так, бывший свинопас Гулин, лихой разведчик одной из чапаевских частей, переправившись через реку Боровку и пробираясь лесом, оврагами, заметил конный разъезд. Захватив разъезд, Гулин нашел у офицера пакет, адресованный в 11-ю белую дивизию.

В книге «Чапаев», выпущенной Воениздатом, подробно рассказано о подвиге Гулина:

«Стояла весна. Лед уже прошел, и только кое-где у берега Боровки в тени виднелся еще не стаявший снег. Река не остановила разведчиков. Они переправились вплавь, а затем двинулись дальше, пробираясь лесом, оврагами и кустарником. Выйдя на дорогу, разведчики заметили конный разъезд. По команде Гулина все укрылись на опушке леса.

Конный разъезд быстро приближался. Колчаковцев было человек десять. Уже можно было по нарядной форме узнать, что это гусары. Повидимому, гусары спешили, так как лошади их были в пене.

Когда гусары поравнялись с тем местом, где укрывались красные разведчики, из леса блеснул огонь, и в тот же миг послышалась команда:

— Стой, ни с места! Руки вверх!

Опешившие гусары покорно вскинули руки. Только командир, ехавший впереди, хотел было ударить своего коня плетью, но красные разведчики предупредили его и мигом стащили на землю.

— Из какого полка? — спросил его Гулин.

— Первого гусарского полка, — ответил командир разъезда, растерянно оглядываясь вокруг.

— Чего везете? — продолжал допрашивать Гулин.

— Приказ, — покорно ответил командир. — В одиннадцатую дивизию.

Этот приказ, доставленный Фрунзе, содержал план всей колчаковской операции».

Начались бои.

6-й белогвардейский корпус с 20 апреля в течение восьми дней беспрерывно атаковал Бузулук, но не смог сломить железного мужества чапаевской дивизии. Красные части не только отразили все атаки врага, но и сами перешли в решительное наступление, которое началось 28 апреля.

Через три дня 6-й корпус белых был уничтожен. Фронт колчаковцев оказался прорванным. Фрунзе бросил в прорыв свои основные силы, и под Бугульмой развернулась знаменитая «бугульминская операция», которая привела к гибели белую Западную армию. 4 мая был взят Бугуруслан, 13 мая — Бугульма, 17-го — Белебей.

Бойцов Красной армии охватил невиданный боевой порыв. Несмотря на усталость, непрерывные походы и бои, части рвались вперед, отказываясь от отдыха.

Инициатива бесповоротно перешла на сторону Красной армии. Волга оставалась «честной советской рекой». Судьба колчаковщины была предрешена. Многие белые части, перебив своих офицеров, стали переходить на нашу сторону.

*

Бугурусланскую операцию надо было завершить освобождением Уфы. Враг народа Троцкий снова пытался сорвать выполнение ленинского плана разгрома Колчака и всячески мешал М. В. Фрунзе в развитии блестяще начатой операции по разгрому белых.

Армия стала топтаться на одном месте. Об этом узнает Ленин и немедленно посылает Реввоенсовету Восточного фронта телеграмму с требованием мобилизовать все силы фронта, прифронтового населения и усилить политработу.

Фрунзе, получив директиву Ленина, повел армии в новое наступление.

Колчак, отойдя за реку Белую, приводил части в порядок. Белая была сильно укреплена. Особенно сильно был укреплен участок у Красного Яра, наиболее удобный для переправы. Здесь была сосредоточена мощная артиллерия, вырыты окопы, возведены проволочные заграждения.

Начались бои за реку Белую.

Накануне форсирования Белой в Красном Яру, вечером, было созвано совещание командиров и комиссаров переправляющихся частей. Совещание состоялось в штабе, помещавшемся в сельской школе. Доклад делал Чапаев. Увлекаясь смелостью задуманной операции, он иногда с волнением посматривал на Фрунзе. Тот одобрительно кивал ему головой.

Перешли к обсуждению плана переправы. Фрунзе интересовался самыми мельчайшими деталями. Предусмотрены были все случайности, все возможные контрмеры врага.

Подводя итоги совещания, Фрунзе сказал:

— Значит, через два-три дня встречаемся в Уфе.

Ночью на 7 июня началась переправа. Ею руководил

Фрунзе. Первым переправлялся 220-й Иваново-Вознесенский полк. Переправа шла всю ночь, — было только два маленьких пароходика, отнятых накануне у белых.

На рассвете красная артиллерия неожиданно открыла огонь по частям боевого охранения противника. Уничтожив проволочные заграждения, артиллерия перенесла огонь сперва на первую линию колчаковских окопов, а затем на вторую.

Иваново-Вознесенский полк бросился в атаку. Враг, захваченный врасплох, заметался и стал отходить. Иваново-вознесенцы стали его преследовать. Остальные красные части продолжали переправу.

С наступлением дня сопротивление противника усилилось. Подтянув резервы, колчаковцы перешли в контратаку. Пулеметы и орудия врага обрушились всей силой огня на переправлявшиеся красные части.

Иваново-вознесенцы, прикрывавшие переправу, встретили колчаковцев слабым огнем вследствие недостатка патронов. Был дан приказ:

— Беречь патроны. Ни шагу назад! Помнить: надеяться не на что — сзади река, в резерве только штык!

Враг, почувствовав ослабление нашего огня, усилил натиск. Офицерские и юнкерские батальоны двинулись в атаку сомкнутыми колоннами, ощетинившись штыками. Белые шли смело и, казалось, вот-вот нахлынут они и опрокинут красные части в глубокие воды Белой.

Неожиданно появились всадники. Послышался крик:

— Фрунзе в цепи!.. Фрунзе!..

Фрунзе, взяв у своего ординарца винтовку, во весь голос подает команду:

— Иваново-вознесенцы, за мной, в атаку!

Красноармейцы, увидев своего командарма, кидаются со штыками навстречу врагу.

Рядом с Фрунзе идут начальник поарма Тронин, Чапаев. Но вот Тронин падает, пробитый пулей. Командиров охватывает тревога за участь Фрунзе. К Фрунзе отправляются гонцы, которым дан строгий приказ:

— Следить все время. Быть около. Живого или мертвого, но вынести из боя к переправе, на пароход.

Чапаев не отстает ни на шаг от Фрунзе и сердито ему выговаривает:

— Товарищ командующий! Право, уйдите отсюда. Право, не место вам здесь...

Враг дрогнул и начал откатываться к Уфе. Поле было усеяно трупами юнкеров и офицеров. Противника пресле-

довали до деревни Турбаслы. Жители этой деревни, татары, радушно встретили красных бойцов. У каждого дома стоял столик с приготовленным чаем, молоком, маслом, хлебом.

*

Белые все еще не теряют надежды сорвать переправу и отстоять Уфу. Они вводят в бой все новые и новые части. Красные полки, воодушевляемые командующим фронтом Фрунзе и начдивом Чапаевым, с необычайным героизмом отражают контратаки противника и налеты его авиации на переправу.

Вечером 8 июня во время налета колчаковских самолетов на переправу рядом с Фрунзе упала бомба. Взрывом под Фрунзе была убита верховая лошадь, сам Михаил Васильевич сильно контужен.

Изо рта, носа и ушей у него шла кровь. Когда его в полубессознательном состоянии пересаживали на другого коня, он заявил, что ему надо остаться в строю. Он хотел своим личным примером воодушевлять красные части на решительный разгром врага.

Не прошло и часа после ранения Михаила Васильевича, как пулей с самолета ранило в голову Василия Ивановича Чапаева. Красные части с утроенной энергией бросились преследовать противника, и к утру 9 июня Уфа была взята.

Уфимские пролетарии радостно, с красными знаменами встретили победителей. За эту операцию Фрунзе был награжден первым орденом Красного Знамени.

На следующий день в Уфу приехал Фрунзе. Его встретил Чапаев с забинтованной головой.

Фрунзе обрушился на Чапаева:

— Товарищ Чапаев! Что это значит? Врачи вам предписали абсолютный покой... А вы? Это же нарушение дисциплины.

— Я, Михаил Васильевич, делаю, как предписали врачи. Они, точно, предписали покой. Ну, а я так понимаю, что покойно мне будет только в Уфе, среди своих бойцов...

И с упреком добавляет:

— А вы тоже хороши, контуженный, а приехали.

Разгромленная под Уфой колчаковская армия покатилась за Урал, в Сибирь, добиваемая Красной армией.

Фрунзе сосредоточивает свое внимание на оренбургском направлении — отсюда кратчайший путь в Среднюю Азию.

13 августа 1919 года был образован самостоятельный Туркестанский фронт в составе 1-й, 4-й и 11-й армий под начальством М. В. Фрунзе.

Несмотря на тяжелые условия, заторы в снабжении и сильный рост эпидемических заболеваний, 1-я и 4-я армии усиленно продвигались вперед. 11-я армия с железным упорством отстаивала Нижнюю Волгу и весь астраханский край.

К концу августа наметился резкий перелом. 29 августа был взят Орск, 2 сентября —Актюбинск, 10 сентября 1-й бригаде 49-й дивизии сдались остатки южной армии Колчака, что облегчило соединение 1-й армии и туркестанских войск.

Это соединение состоялось 13 сентября на ст. Мугоджарской. Ворота в Туркестан были открыты. Оставалось покончить с уральским белым казачеством.

Дни дутовских белых казачьих частей были сочтены. Часть казаков-оренбуржцев сдалась в плен, часть разбрелась по домам. Отдельные остатки дутовских полков метались по киргизским степям, утратив всякую боеспособность и вымещая свою злобу на киргизской бедноте.

М. В. Фрунзе решает оторвать рядовое казачество от Дутова и направить казаков против Дутова и всей белогвардейщины. По указанию М. В. Фрунзе среди белоказаков проводится широкая агитационная работа. Рядовые казаки, обманутые Дутовым, после бесед с пропагандистами-большевиками или чтения прокламаций начинали понимать, за чьи интересы проливали они кровь.

Чтобы добиться быстрого перелома в настроении всей казачьей массы, М. В. Фрунзе предложил на заседании Реввоенсовета Туркфронта пойти на крайне смелую меру в отношении пленного казачества: вчерашним врагам оказать полное и исключительное доверие и тем самым превратить каждого из них в агитатора за советскую власть и Красную армию. Приказом Реввоенсовета все пленные казаки распускались по домам «на побывку». Через три недели они должны были явиться на определенные сборные пункты. За коня и «обмундировку» была установлена определенная плата, которая выдавалась немедленно после явки на сборный пункт.

Приказ этот был объявлен на митинге пленных казаков. М. В. Фрунзе выступил на этом митинге с речью. Он рассказал казакам, за что борется советская власть и что большевики сделали для трудового казачества. После речи казаки единогласно приняли резолюцию, в которой они приветствовали решение советской власти. Казаки дали «красную присягу», которую они не нарушили, аккуратно выполнив все, что предписывалось приказом.

В эти же дни к Фрунзе приехали три старика — члены

дутовского войскового круга, во главе с членом «войскового правительства» Богдановым. Избраны они были татарской частью оренбургского казачества. Делегаты приехали к командующему узнать, как им быть и что делать дальше.

М. В. Фрунзе принял делегатов у себя в кабинете один, без свидетелей. Посадил стариков около себя и в течение двух часов беседовал с ними, рассказывая о задачах советской власти в национальном, казачьем и религиозном вопросах.

Работа, проделанная Фрунзе и большевистской партией, сказалась очень быстро. Уральское и оренбургское казачество, принадлежавшее в течение всей гражданской войны к злейшим врагам советской власти, начало понимать, кто является истинным врагом трудового казачества и крестьянства. Дутов, лишившись своей базы, был быстро разгромлен.

VII. ОСВОБОЖДЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Весной 1920 года, после полного разгрома Колчака и ликвидации дутовщины, Михаил Васильевич Фрунзе отправился в Ташкент.

По пути в Ташкент поезд задержался на одной из станций. Фрунзе вышел на платформу. Всюду были заметны следы гражданской войны. На платформе и путях было запустение. Станционные строения стояли с разбитыми окнами и выломанными дверьми. Какие героические усилия потребуются от рабочего класса, чтобы восстановить полуразрушенное хозяйство страны!

Из-за станционных строений доносился шум. Фрунзе направился туда. Он увидел несколько сот красноармейцев и железнодорожников, пиливших дрова.

— Что это? — спросил Фрунзе.

— Коммунистический субботник, товарищ командующий, — радостно ответил один из красноармейцев, довольный тем, что командующий фронтом обратился к нему.

Фрунзе подошел к работавшим.

— А ну, товарищи, дайте мне пилу.

Фрунзе распахнул шинель и, сдвинув на затылок папаху, взялся одной рукой за пилу, другой уперся в козлы.

— Начнем!

Пила ритмично заходила, все глубже вгрызаясь в дерево. Желтые мягкие опилки обсыпали сапоги Фрунзе. От работы он раскраснелся.

В перерывах Фрунзе рассказывал красноармейцам, какое огромное значение партия и Ленин придают этой новой форме коммунистического труда.

Когда комендант станции доложил, что путь свободен и поезд может следовать дальше, Фрунзе простился с красноармейцами и пошел к вагону. С восхищением и любовью смотрели вслед командующему красноармейцы.

— Целым фронтом командует, а как запросто с нами беседовал, — обменивались они впечатлениями. — На каторге царской был, два раза к смерти приговаривали.

— Самого Колчака побил!

*

Фрунзе прибыл в солнечный Туркестан — в страну хлопка и песков.

Красноармейцы, вчерашние иваново-вознесенские ткачи, увидев хлопковые поля, обрадовались:

— Вот он хлопок! Оживут скоро наши фабрики.

Но по Бухаре и Фергане еще бродили шайки бандитов-басмачей Мадамин-бека и бухарского эмира.

Здесь, в Средней Азии, классовая борьба носила особенно сложный характер. Против эмира бухарского боролось местное революционное крестьянство и рабочие, преимущественно железнодорожники. Необходимо было, опираясь на национальное освободительное движение трудящихся Средней Азии, разгромить эмира и отколоть от басмачей трудящихся дехкан (крестьян). От Фрунзе, как политического и военного руководителя, требовалась особая большевистская прозорливость. Вооруженный ленинско-сталинским пониманием национальной политики, Фрунзе приступил к выполнению своей ответственной задачи.

Для успешной борьбы с басмачеством и укрепления советской власти важно было использовать помощь трудящегося населения. Поэтому Фрунзе придавал огромное значение формированию национальных частей. В первое время эти части формировались иногда из сдавшихся басмаческих отрядов.

Фрунзе, учитывая специфические условия Средней Азии, действовал не только оружием, но и выступал в качестве дипломата. Этим путем были предотвращены излишние кровопролития и привлечены на сторону Красной армии крупные басмаческие отряды.

От крупного политика не должны ускользать и мелочи. Как-то Михаил Васильевич, улыбаясь, сказал командиру бригады:

— Жаль, что вы без бороды... Работникам национальных частей надо обязательно быть с бородой.

Командир бригады недоумевал: шутит командующий или говорит серьезно.

Фрунзе пояснил:

— Вы сами знаете, что в глазах мусульман борода служит признаком умудренности человека. К такому человеку больше уважения и доверия. Борода — это авторитет. Старосты ваших кишлаков — аксакалы — белобородые старички. Конечно, военным приказом бороду растить не заставишь, но это плохо, когда командир национальной части без бороды. Что борода? Пустое. А и борода сейчас для нас — кусочек политики.

Командир бригады понял всю серьезность замечания Фрунзе и ответил:

— Вы правы, товарищ командующий. Был случай, когда командиры полков назвали меня мальчишкой. «Этот человек без бороды, — с негодованием сказали они. — Он мальчишка и не заслуживает доверия».

Командир бригады был далеко не «мальчишкой».

Фрунзе рассмеялся и сказал:

— Вот видите, я прав! Только не сочтите это за приказ растить бороду.

Разговор происходил в Андижане в вагоне командующего, накануне совещания, на котором должен был разбираться вопрос о невыполнении Ахунжаном, командиром узбекского полка, приказа о выступлении в ташкентский лагерь для переформирования.

Ахунжан, бывший раньше главарем басмаческого отряда, грубо нарушил дисциплину. Он пытался объяснить свой поступок такими мотивами:

— Наши семьи останутся беззащитными. Я не хочу ехать из Андижана. Мои аскеры (солдаты) из Андижана, я сам из Андижана. Полк остается здесь.

Когда в вагон прибыли командиры, приглашенные на совещание, Фрунзе заявил:

— Обсуждать вопрос долго не приходится. Выводы могут быть только одни. В борьбе с басмачеством и для укрепления советской власти в Туркестане нам нужно создать национальные части, состоящие из дехканства, батрачества, городской бедноты, боеспособные по своему качеству. Можем ли мы этого добиться? Я считаю, что можем. Опыт создания татарских полков в Поволжье говорит за это.

Фрунзе перешел к характеристике Ахунжана.

— Ахунжан — переметная сума. Доверять ему было бы

нелепо. Два раза переходил он на нашу сторону. Переброска полка в Ташкент должна послужить проверкой искренности Ахунжана работать с нами. В случае отказа — Ахунжана и его курбашей разоружить. Никто не возражает?

Все согласились с предложением командующего.

Тогда, обратившись к командиру бригады, с которым он беседовал о значении бороды, Фрунзе приказал:

— Прикажите Ахунжану и его командирам явиться на совещание. Полк вывести на площадь, запретить брать патроны. Одновременно вывести татарскую бригаду. На всех выходах города выставить заставы. Рота курсантов-ленинцев будет находиться при мне.

Ахунжан явился в сопровождении четырнадцати вооруженных курбашей. Курбаши вошли, враждебно озираясь и держась за рукоятки маузеров.

Фрунзе и сотрудники штаба сидели по одну сторону стола, Ахунжан и курбаши сели по другую.

Фрунзе, глядя в упор на Ахунжана, твердо заявил:

— Ахунжан, Ревзоенсовет фронта постановил, чтобы твой полк вышел в Ташкент.

Ахунжан молчал. Глаза его полны злобы. Фрунзе строго спросил:

— Почему ты отказался выполнить приказ Реввоенсовета?

Ахунжан опустил голову и угрюмо ответил:

— Я не поеду отсюда... Наши семьи останутся без защиты, наши дома и имущество без охраны.

— У нас здесь есть части татарской бригады, которые обеспечат безопасность Андижана.

— Я не хочу, мои командиры и аскеры тоже не хотят уходить из Андижана. Это наш город, мы здесь живем...

— Части Красной армии, Ахунжан, — спокойно прервал его Фрунзе, — защищают интересы всех трудящихся, а не только свой город, свой кишлак, свои семьи. Если ты служишь в Красной армии, ты должен быть готов итти туда, куда тебя пошлют. А если ты отказываешься, значит, шкурные интересы тебе дороже общих. Представь себе, Ахунжан, что на Андижан напали басмачи и ты не можешь справиться с ними, — тебе нужна помощь. Я даю приказ Иргашу выйти к тебе на помощь, а Иргаш отвечает: «Я из Намангана никуда не пойду. Наманган мой город, и мне ни до чего нет дела кроме моего города и моей семьи». Знаешь, Ахунжан, что было бы! Враги разбили бы все наши части поодиночке. Если ты служишь в Красной армии, ты

должен выполнять приказы командования и верить, что командование лучше тебя знает, что нужно делать.

Злобные взгляды курбашей, их руки, лежавшие на кобурах револьверов, усиливали нервное напряжение участников этого необычайного совещания. Несколько раз курбаши порывались вскочить. Ахунжан, выслушав Фрунзе, подался вперед и, упираясь руками в край стола, хрипло закричал:

— Зачем тебе нужно, чтобы полк шел в Ташкент? Что я скажу аскерам и командирам? Мы не верим вашему приказу. У нас говорят: русские распоряжаются нами, чтобы потом без нас грабить наши семьи.

— Неверно, грабят басмачи, а не красноармейцы, — резко оборвал его возмущенный Фрунзе.

Ахунжан пытался продолжать.

— Довольно, — остановил его Фрунзе. — В твоем полку есть много старых басмачей. Они разбойничают в кишлаках, а потом дехкане мне говорят, что красноармейцы такие же басмачи. Сделал ли ты что-нибудь, Ахунжан, чтобы очистить полк от бандитов?

И, не допуская дальнейших возражений, Фрунзе продолжал тоном приказа:

— Полк должен выйти в Ташкент. В нынешнем составе он недисциплинирован, расхлябан и небоеспособен. Полк будет переформирован и приступит к лагерным военным занятиям. Как командующий фронтом я требую немедленно выполнить приказ.

— Я не пойду, — вызывающе крикнул Ахунжан, вскакивая с места, — я уже сказал.

Фрунзе, не обращая внимания на слова Ахунжана, продолжал:

— Реввоенсовет постановил дальше: в случае отказа выполнить приказ — полк разоружить. Сдавай оружие.

И Фрунзе протянул к Ахунжану руку за оружием.

Ахунжан растерялся. Он видел, что Фрунзе ни его, ни пришедших с ним курбашей не боялся. Ахунжан, злобно сверкнув глазами, быстро выхватил маузер и направил его в грудь Фрунзе. Вслед за ним выхватили свои револьверы и курбаши.

Фрунзе стоял совершенно спокойно. Держа вытянутую вперед руку, он глядел в упор на Ахунжана, в упор, может быть, самой смерти, подчиняя ее своей воле и уверенности. Рука Ахунжана, державшая револьвер на уровне груди Фрунзе, заколебалась, начала медленно опускаться, и вдруг Ахунжан резко швырнул маузер на стол.

— Ну, так! — сказал Фрунзе.

Четыре двери с шумом открылись, и курсанты-ленинцы с винтовками стали заполнять помещение.

Курбаши начали бросать свои револьверы на стол. Ахунжан растерянно смотрел на красноармейцев, затем, обернувшись к Фрунзе, крикнул:

— А это тоже отдать?

И он указал на орден Красного Знамени на своей груди.

— Ордена лишать я тебя не в праве, — ответил Фрунзе.— Это может сделать ЦИК. Возможно, что он потребует этого. Ты считаешься арестованным, курбаши также. Командир бригады, сообщите полку о разоружении. Совещание, товарищи, закончено.

*

Фрунзе начал операции по разгрому сорокатысячной армии бухарского эмира. Он целыми днями находился в полевом штабе. Принимая командиров с докладами, он выяснял обстановку до мельчайших подробностей и тут же отдавал кратко, но ясно распоряжения. Военных работников поражала быстрота, с которой Михаил Васильевич схватывал обстановку и принимал решения. Характерной чертой Михаила Васильевича была смелость решения, готовность итти на риск, если эго оправдывалось ожидаемыми результатами.

Фрунзе приходилось уделять значительную часть времени работе в комиссии ВЦИК по делам Туркестана, по ночам он засиживался в полугемном, стихшем после дневной суеты штабе. Часто Фрунзе выезжал в расположение частей в сопровождении двух-трех ординарцев, и эти поездки были лишены какой-либо помпезности.

Однажды Михаил Васильевич выехал в район Гиндж-Дуван, где находился сводный отряд курсантов. Район был весьма опасен, там бродили отдельные басмаческие отряды.

Когда один командир предупредил его об опасности, Фрунзе спросил:

— А вы очень боитесь?

Тот смутился. Фрунзе рассмеялся и сказал:

— Волков бояться — в лес не ходить.

Рассказывают, что однажды в Туркестане в штаб пришли два киргиза. Они грохнулись в ноги «русскому генералу».

— О, высокий генерал наш! — умоляли они. — Кто же виноват, что мы родились киргизами? Посмотри, как мы бедны и голодны...

Взволнованный Фрунзе поднял их с земли, обнял и посадил рядом с собой.

— Какой я генерал? Я большевик! Понимаете? Большевик.

Он усадил их за стол и угостил душистым чаем. Оба киргиза стали его друзьями и часто приходили к нему советоваться по своим личным делам. И когда у одного из них какой-то кулак-бандит отнял верблюда, к Фрунзе прибежала целая толпа киргизов. Возбужденные, они стали просить, чтобы Фрунзе «двинул свою армию против обидчика».

Быть может, этот эпизод — продукт народного творчества, такой же, как и песня казахского акына о Фрунзе, который с ясной улыбкой и твердым словом ехал по полям «ломать судьбу».

Он ехал по солончакам, по траве,
По желтым горбам песков,
За ним колыхались в густой синеве
Тысячи светлых штыков.
Он по аулам тревожил молву
Силой и смелостью льва.
— Кто это? — спрашивал ветер траву.
— Фрунзе!— шептала трава.
Он появился, как сон наяву,
Слава его несла.
— Откуда он? — спрашивал ветер траву.
— Сталин его послал!

*

Фрунзе проявлял трогательную заботливость в отношении бойцов, расспрашивал их о боевой работе, о жизни семьи.

Однажды в штаб фронта прибыли с позиции для передачи пакета два красноармейца — Фирсунов и Горленко. Подходя к штабу, Фирсунов сказал товарищу:

— Может быть, самого Фрунзе увидим.

— Увидишь, так он нас и ждет...

Увидеть Фрунзе хотелось многим бойцам. О нем рассказывали такие чудесные вещи.

Сдав в штабе пакет, Фирсунов и Горленко отправились к коменданту.

— С фронта, заночевать бы где...

Комендант, взглянув на бойцов припухшими и красными от бессонницы глазами, устало ответил:

— Негде ночевать, ни одного свободного места...—И, бессильно махнув рукой, ушел.

Фирсунов и Горленко, растерянные, остались на месте.

В это время на лестнице показался какой-то командир.

— Вы что здесь делаете, товарищи? — обратился он к красноармейцам.

— С фронта, в командировку.

— Да? Ну, что нового на фронте?

— На фронте, товарищ, дела веселенькие. Всыпали белым...

— Крепко?

— Крепко, товарищ...

— Ну, добре, добре, — сказал командир и спросил:— Устали, небось, с фронта? Отдохнуть надо.

— Отдохнешь тут, — пожаловался Фирсунов, — комендант говорит — нет коек, устраивайтесь, как знаете...

— А ну-ка, товарищи, идем со мной...

Поднялись по лестнице и вошли в маленькую комнатку с одной койкой.

— Это моя комната. Я сегодня уеду, а вы тут можете отдохнуть... Правда, одна койка, но вы как-нибудь уж разделите ее.

Бойцы обрадовались и устроились на ночлег. Скоро командир вернулся.

— Спите, спите, — успокоил он. — Я уезжаю, только шинель возьму.

— Товарищ, а как же с комендантом?

— Что с комендантом?

— Выставит он нас отсюда...

— Не беспокойтесь...

— Вы бы ему записочку написали...

Командир вынул блокнот, написал что-то на листочке и передал Фирсунову:

— Ну, отдыхайте.

Когда командир вышел, Фирсунов развернул записку и прочел:

«Товарищ комендант, эти двое товарищей до их отъезда будут жить в моей комнате. Фрунзе».

Фирсунов ошалело посмотрел на товарища:

— Да ведь это Фрунзе был!

Оба они бросились к окну, чтобы еще раз взглянуть на командующего...

Такой же огромной популярностью пользовался у бойцов и трудящихся Средней Азии В. В. Куйбышев. Он вместе с Фрунзе руководил борьбой против басмачества, строительством советской власти, посещал части, сам не раз принимал участие в боевых действиях, вдохновляя бойцов.

Каким был Куйбышев в фронтовой обстановке, свиде-

тельствует следующий эпизод. С небольшим отрядом Куйбышев отправился в глубокий рейд в тыл противника. Путь шел через раскаленную пустыню. В случае преждевременного обнаружения противником отряду грозила неизбежная гибель. На обратный путь не было ни воды, ни пищи. На четвертые сутки тяжелого безостановочного пути отряд достиг станции Айдын, занятой белыми. Песчаные горы позволили подойти незаметно к противнику. Но на рассвете конная разведка белых обнаружила красных. Она донесла генералу Литвинову, командовавшему белой дивизией, тревожную весть: в четырех верстах от станции Айдын обнаружен отряд красных, причем замечены все виды оружия — артиллерия, пехота, кавалерия. Генерал Литвинов вспылил. На донесение разведчика последовала резолюция: «Арестовать паникера. Чтобы в четырех верстах могли очутиться красные — это исключено».

Через несколько часов белогвардейцы бежали, наголову разбитые легендарными красными бойцами.

В одной из песен, сложенной бухарскими крестьянами, поется о великом отце Ленине, который прислал голодным и закабаленным дехканам в защиту против эмира и баев «Прунзе-ака» и «Койбаши-ака».

Прунзе-ака был полководцем храбрым,
как Джульбарс,
А Койбаши-ака осушал наши слезы...

*

Отряды, назначенные для действий против войск эмира бухарского, прибыли на станцию Самарканд. Второй эшелон пришел на рассвете, и начальник отряда не решился итти в вагон командующего и будить его. Фрунзе, узнав о прибытии эшелона, немедленно вызвал начальника отряда.

— Почему вы не явились ко мне и не доложили о прибытии?

— Товарищ командующий, я не считал возможным беспокоить вас в столь поздний час.

— Не время спать, когда на фронте серьезная обстановка, — перебил его Фрунзе. — А если бы я и спал, вы должны были разбудить меня, так как знаете спешность вашего вызова на фронт.

Выслушав доклад о состоянии отряда, Фрунзе приказал:

— Ваша задача — отрезать путь движения отходящей

к афганистанской границе армии бухарского эмира и не дать ей перейти границу.

Начальник отряда стал возражать против этого приказа, указывая на то, что он его не сможет выполнить.

— В моем отряде всего 1500 человек вместе с артиллерией, конницей и обозом. Задача, данная нам, непосильна. Мы будем раздавлены сорокатысячной массой. Я, как командир отряда, не рискую взять на себя ответственность за выполнение такой задачи.

Фрунзе, выслушав до конца начальника отряда, ответил:

— Вы недооцениваете обстановки: армия эмира деморализована, воевать не желает, а вы командуете бойцами Красной армии, да еще курсантами. Кроме того эти сорок тысяч никто не считал.

И тоном, не допускающим возражения, Фрунзе закончил:

— Этого требует революция, и вы, как коммунист, не имеете права отказываться от ответственности.

Фрунзе, отдавая этот приказ, полностью оценивал обстановку, а в данной обстановке можно было итти на риск ради достижения такой цели, как освобождение Средней Азии от сил контрреволюции. Фрунзе оказался прав. Отряд блестяще справился с поставленной ему задачей. Армия бухарского эмира рассыпалась от первых ударов Красной армии.

Туркестан навсегда стал советским!

VIII. ПОБЕДА НАД ВРАНГЕЛЕМ

После взятия частями Красной армии Новороссийска, когда остатки «добровольческой» армии были переброшены в Крым, Деникин передал верховное командование барону Врангелю, а сам бежал за границу.

Вступив в командование армией, Врангель старается расширить зону своих действий, и ему удается достигнуть в этом направлении ряда успехов.

7 июля 1920 года ЦК партии разослал циркулярное письмо всем партийным организациям. В этом письме говорилось:

«...В самый тяжелый момент борьбы русских и украинских рабочих и крестьян... ген. Врангель ввел свои войска в самые плодородные уезды Украины и пытается ныне прорваться на Дон. Его движение уже нанесло неисчислимый вред Советской Республике. Каждый, даже временный и незначительный успех врангелевских мятежников грозит еще большими бедами.

Хлеб, уголь, нефть, предназначавшиеся для спасения рабочих и крестьян России, находятся под угрозой. Донецкий бассейн, Дон и Кубань, кровью лучших сынов трудового народа освобожденные от Деникина, находятся под ударами Врангеля. В глубоком тылу Красной армии, победоносно продвигающейся на Западном фронте, белогвардейские бандиты производят разрушения и грозят сделать ближайшую зиму не менее тяжелой, чем зима 1919 года.

...Далее медлить нельзя. Врангель должен быть уничтожен, как уничтожены были Колчак и Деникин...»

Однако предатель Троцкий намеренно медлил, пытаясь помочь южной контрреволюции оправиться от удара и продолжать борьбу с Советской Россией.

При прямом попустительстве Троцкого Врангель занимает Александровск, Орехов, Синельниково и достигает преддверий Донбасса. Над Украиной и Донбассом нависает угроза вторжения врага. Положение стало исключительно серьезным.

Тогда ЦК партии и В. И. Ленин лично вмешиваются в действия Реввоенсовета Республики.

2 августа 1920 года ЦК партии выносит следующее решение:

«Ввиду успеха Врангеля и тревоги на Кубани, необходимо признать врангелевский фронт имеющим огромное, вполне самостоятельное значение, выделив его, как самостоятельный фронт. Поручить товарищу Сталину сформировать Реввоенсовет».

Командующим фронтом был назначен Фрунзе.

Перед отъездом на Южный фронт Фрунзе явился к Ленину.

— Затяжка войны еще на год означает неминуемую гибель революции, — сказал Владимир Ильич. — С Врангелем должно быть покончено к зиме. Такова директива партии. Как вы думаете, в какой срок можно будет его ликвидировать?

— К декабрю, Владимир Ильич, Крым будет советским.

27 сентября Михаил Васильевич Фрунзе прибыл в Харьков и вступил в командование Южным фронтом.

Первым шагом нового командующего было обращение к красноармейцам и всему составу фронта:

«Товарищи, — говорится в обращении Фрунзе, — вся рабоче-крестьянская Россия, затаив дыхание, следит сейчас за ходом вашей борьбы здесь, на врангелевском фронте. Наша измученная, исстрадавшаяся и изголодавшаяся, но

попрежнему крепкая духом сермяжная Русь жаждет мира, чтобы скорее взяться за лечение нанесенных войной ран, скорее дать возможность народу забыть о муках и лишениях ныне переживаемого периода борьбы. И на пути к этому миру она встречает сильнейшее препятствие в лице крымского разбойника — барона Врангеля».

К. Е. Ворошилов рассказывает:

«Получается приказ нового командующего т. Фрунзе об ускорении марша армии. В конце сентября он вызывает либо меня, либо т. Буденного на совещание в Харьков. Тов. Буденный не может оторваться от армии, и я спешно на паровозе мчусь в Харьков.

Вагон главкома. За столом главком. Начштаба т. Лебедев и... кто это? Фрунзе? Глазам не верю. Радостная встреча — Арсений и Володя, «перекрещенные» революцией в их собственные имена и фамилии. Пожимаем друг другу руки. Оба возбуждены, рады неожиданной встрече.

Так вот он кто Фрунзе-Михайлов, о котором так много славных, граничащих с легендами, вестей и слухов! Вот он, большевистский воспитанник иваново-вознесенских и шуйских ткачей!

На столе огромная карта, на которой видно, что враг, последний враг русской революции, с удесятеренной наглостью пытается расширить район своих действий.

Мы начинаем обсуждать стратегический план нанесения решительного и последнего удара барону Врангелю.

И вчерашний подпольщик, большевик Арсений, с изумительной ясностью и поражающим авторитетом истинного полководца развивает в деталях предстоящие решительные операции Красной армии.

...Незначительные замечания, краткий обмен мнений — и план, оперативный план большевика Арсения-Фрунзе утвержден.

Судьба Врангеля предрешена!»[1]

Фрунзе сообщил К. Е. Ворошилову, что Троцкий им очень недоволен за его резкую критику плана операции по ликвидации Врангеля. Ворошилов усмехнулся. В его памяти было много таких случаев недовольства.

Поезд командующего в пути. Недавно закончилось крупное военное совещание. В ярком свете электрических огней плавают волны табачного дыма. Фрунзе открывает окно салона и задумчиво смотрит в погруженные в темноту ночи украинские поля... Медленно шагает по салон-вагону с

---

[1] К. Е. Ворошилов, Статьи и речи, Партиздат, 1937 г., стр. 10.

наморщенным лбом. Мысли продолжают работать еще над планом.

Входит ординарец. Он осторожно ставит на стол стакан.

— А, чайку принесли! Превосходно! Ну как, Иван Мартынович, разобьем Врангеля?

— Побьем, Михаил Васильевич!

— А почему вы так думаете?

— Да как же! Колчак и Деникин посерьезнее были.

И Иван Мартынович спокойно рассказывает командующему, почему он так думает: о своих беседах с крестьянами, их настроении, отношении к советской власти.

Фрунзе серьезно слушает ординарца и обдумывает свою новую задачу.

*

В основе стратегического плана Фрунзе лежали соображения Сталина об оперативных условиях наступления на Врангеля. Требуя, чтобы разгром Врангеля стал новым очередным лозунгом партии, товарищ Сталин отмечал и слабость предпринимавшихся в этом отношении мер.

Предатель Троцкий, возглавлявший военное ведомство, попытался помешать проведению сталинского плана разгрома Врангеля.

Партия отвергла пораженческий план врага народа Троцкого. После решения Политбюро В. И. Ленин написал товарищу Сталину: «Только что провели Политбюро разделение фронтов, чтобы вы исключительно занялись Врангелем...»[1]

Готовясь к наступлению на Врангеля, командование Юго-Западного фронта в ориентировке, подписанной товарищем Сталиным, предложило главкому свои соображения об оперативных возможностях наступления:

«Принимая во внимание общую военно-политическую ситуацию, особенно в отношении Врангеля, которому нельзя уступить в данный момент ни одного клочка территории, считаем необходимым, не теряя времени, предпринять контрудар существующей уже группировкой сил, при этом четырьмя стрелковыми дивизиями не позднее 5—6 августа с правого берега р. Днепра нанести удар в направлении на Перекоп и в тыл главным силам противника; остальными силами левобережной группы изматывать противника и по сосредоточении подвозимых частей перейти в решитель-

---

[1] К. Е. Ворошилов, Сталин и Красная армия, Воениздат, 1937 г., стр. 28.

ное наступление, стремясь совместно с частями правобережной группы сбить противника с укрепленных мелитопольских позиций и отрезать ему путь на Перекоп».[1]

Приступая к операциям, Фрунзе опирался также на громадную военную и политическую базу, подготовленную товарищем Сталиным в бытность его членом Реввоенсовета Юго-Западного фронта. Подобранные и воспитанные товарищем Сталиным кадры коммунистов и комсомольцев являлись цементом, который спаял единство армии.

Врангель после разгрома Колчака и Деникина (с Польшей уже начались переговоры о мире) являлся для империалистов последним заслоном, который должен был закрыть от взоров человечества, как выразился один из организаторов интервенции, «перспективы сияющего нового мира».

В течение лета 1920 года Антáнта усиленно снабжает Врангеля оружием и военными припасами. Грузинские меньшевики отправляют ему пароходы с углем, нефтью и тысячные отряды, сформированные из интернированных на Кавказе деникинцев.

Врангéлю удалось к осени сформировать армию, по своему техническому вооружению превосходившую красные армии Южного фронта. Под Перекопом у Врангеля было около 50 000 штыков и около 25 000 сабель.

На Черном море, в портах, для охраны действующих белых корпусов стояли дредноут «Генерал Алексеев», крейсеры «Генерал Корнилов», «Алмаз» и «Георгий». В Севастополь прибыли военные французские корабли во главе с флагманским дредноутом «Мальборо».

Империалисты решили оказать последнюю поддержку барону Врангелю.

*

Перед началом операций против Врангеля Фрунзе имел мудрую и четкую директиву В. И. Ленина, где содержались практические указания, которые помогли Фрунзе при разработке оперативного плана.

В. И. Ленин писал: «Помните, что надо, во что бы то ни стало, на плечах противника войти в Крым; приготовьтесь обстоятельнее. Проверьте, изучены ли все переходы вброд для взятия Крыма».[2]

Но дорога в Крым была еще закрыта войсками Врангеля.

Первая задача, которая возникла перед Фрунзе, — это

---

[1] Архив РККА, № 29/367.

[2] «Красный архив», № 72, 1935 г.

ликвидировать прорывы Врангеля в направлении на Синельниково и Донецкий бассейн. Он отдает первый приказ по войскам Южного фронта:

«Удар должен быть стремительным и молниеносным. Он должен избавить страну от тягот зимней кампании, должен теперь же, в ближайшее время раз навсегда закончить последние счеты труда с капиталом. Командованием фронта все меры, обеспечивающие его успех, приняты. Очередь за вами, товарищи... Врангель должен быть разгромлен, и это сделает армия Южного фронта».

Первый удар Врангелю был нанесен под Каховкой, откуда он хотел прорваться в правобережную Украину.

Красная Армия укрепляет каховский плацдарм. Врангель сосредоточивает против Каховки свои лучшие силы и подавляющую технику: танки, броневики, авиацию. Белые возлагали на прорыв под Каховкой большие надежды: они надеялись прорваться на Украину и приблизиться к Польше, чтобы сорвать или ухудшить для Советской России условия мирных переговоров с ней.

Врангель делает несколько попыток перейти в наступление и разбить наши части. 14 октября 2-й корпус Врангеля с 12 танками атакует каховские позиции. Наступает решающий момент для всего фронта. Наша неудача под Каховкой могла надолго затянуть борьбу, могла привести к новым поражениям.

Командующий фронтом Фрунзе приказал командарму 2-й Конной любой ценой поддержать левый фланг 6-й армии. Только твердое руководство командования фронта и стойкость бойцов Красной армии решили дело в нашу пользу. Гарнизон каховского плацдарма — 51-я Московская дивизия отбила все атаки противника. Врангелевцы понесли большие потери, оставив в наших руках все танки.

В приказе Фрунзе говорилось:

«Инициатива у врага вырвана, ему нанесен крупный ущерб. Обеспечена возможность нанесения нашего ответного и решающего удара. Начало разгрома положено, теперь остается его довершить».

28 октября начинается общее наступление всех армий Южного фронта. 1-я Конная армия переправляется через Днепр и наступает одной группой на Агаймак — Серагозы, а другой группой занимает 30 октября район ст. Сальково — Геническ — Рождественск.

6-я армия стремительно продвигается к Перекопу, занимает утром 30 октября г. Перекоп и подходит к укреплениям Перекопского перешейка. Остальные армии

успешно продвигаются вперед, не встречая серьезного сопротивления.

*

«Я осмотрел укрепления Перекопа и нашел, что для защиты Крыма сделано все, что только в силах человеческих», — писал Врангель в своем приказе.

Белая печать, захлебываясь от восторга, кричала:

«Это почти второй Верден... Непроходимая сеть проволочных заграждений... Глубокие окопы... Бетонированные блиндажи... Тяжелая артиллерия... Подъездные пути...»

Наши армии подошли к крымским перешейкам.

Было ясное ноябрьское утро. Легкий, бодрящий морозец подсушил грязь на дорогах и посеребрил завядшую траву на полях. Фрунзе выехал из штаба фронта в Мелитополе к месту расположения частей. Мысль продолжала работать над планом операции по разгрому Врангеля. Чувство уверенности не покидало его.

Чем ближе к фронту, тем чаще встречались красноармейские части, артиллерия, обозы. Фрунзе видел, какие лишения переносили бойцы: у большинства были рваные шинели, худая обувь на ногах... Он знал, что они не получали давно горячей пищи... Командующий пытливо вглядывался в лица красноармейцев — осунувшиеся, изможденные, но полные суровой решимости...

Путь, по которому следовал Фрунзе, был опустошен отступившими белогвардейцами.

«Все проселочные дороги, — вспоминал потом Михаил Васильевич, — шедшие в направлении с севера на юг, полны следов только что разыгравшихся кровавых событий. Прежде всего бросалось в глаза огромное количество павших лошадей. Вся степь, и особенно вблизи дороги, буквально была покрыта конскими трупами. Я, помню, несколько раз принимался считать, — сколько трупов проедем мы в течение двух-трех минут, — и всякий раз получал цифры, начинавшиеся десятками. При виде этих кладбищ ближайших друзей нашего пахаря как-то особенно больно становилось на душе, и перед сознанием вставал вопрос: каково-то будет впоследствии и как будем справляться мы с фактом такой колоссальной убыли конского состава...»

6 ноября Фрунзе приехал в Чаплинку — туда, куда недавно приезжал со своей свитой и иностранными военными советниками Врангель.

В Чаплинке находился штаб 51-й дивизии. Эта дивизия,

сформированная из уральских рабочих и сибирских партизан, прошла всю Сибирь, очищая ее от Колчака.

Фрунзе, войдя в помещение штаба, поздоровался и кратко сказал:

— Приехал обо всем узнать и столковаться.

Н. Датюк — бывший наштадив 51-й дивизии — в своих воспоминаниях рассказывает:

«Он (Фрунзе) был в шубе с серой оторочкой, вроде украинской бекеши, с низеньким воротничком, который появился на фронте в 1916—1917 годы, с выпушкой, в сапогах, в теплой серой шапке с защитным верхом.

— Так... Где находятся наши части? Подробнее опишите, что из себя представляет Турецкий вал...

Развернули карту неприятельских укреплений.

— Серьезные укрепления. Сколько проволочных заграждений?

И опять молчаливый вопрос во внимательных глазах.

— Какие данные о Сиваше? Что дала воздушная разведка?

В комнате, где решалась судьба оплота белых, откуда направлялись на штурм тысячи лучших, отважных сынов Советской России, было так холодно, что шел пар от дыхания. Фрунзе не раздевался, только расстегнул шубу.

Михаил Васильевич задумчиво смотрит на карту и говорит медленно, взвешивая каждое слово:

— Итак, по вашим данным, отмечена переброска Врангелем отдохнувшей Дроздовской дивизии к району Турецкого вала; Корниловской и Марковской — к Юшуни; конного корпуса генерала Барбовича — тоже поближе сюда. Видимо, 13-я и 34-я дивизии белых должны быть сменены дроздовцами на-днях—7 или 8 ноября. Литовский полуотсров защищается кубанской бригадой и невыясненными частями, общей численностью не свыше 3000 человек, под командой генерала Фостикова.

И, подумав, спрашивает:

— Какова численность войск Врангеля на Перекопе?

Выслушав сообщение, Фрунзе резюмирует:

— Следовательно, после подхода дроздовцев у противника против нас более 11 000 штыков и сабель, около 400 пулеметов и 160 орудий, не считая 9000 бойцов, 390 пулеметов и 80 орудий, сосредоточенных в Юшуни. Кроме того у него двенадцати- даже четырнадцатидюймовые орудия. У нас около 29 000 бойцов, 780 пулеметов, 92 орудия... Очень мало оружия, очень мало. Размещены в голом поле на морозе... Мы превосходим противника только живой

силой... Но медлить нельзя... Атака открытой силой — единственно правильное решение...

И он закончил:

— Атаковать с 7 на 8 ноября через Сиваш на Литовский полуостров и в лоб — Турецкий вал».

*

Строгановка...

Затерянное селение на берегу мелководного, гнилого залива Сиваш.

И вдруг Строгановка начинает жить лихорадочной, напряженной жизнью. Приехал командующий фронтом Фрунзе. В небольшой ветхой хате расположился его штаб. Связисты по всем направлениям протянули провода. На берегу Сиваша установили радиостанцию.

Из штаба вышел Фрунзе. Спускалась темная ночь. Завтра, 7 ноября, третья годовщина великой Октябрьской революции.

Фрунзе спросил у вестового:

— Ветер с запада?

— Так точно.

Фрунзе вернулся в штаб и при свете чадящей керосиновой лампы изучал исчерченную цветным карандашом карту. Прибыли командующие армиями обсуждать план предстоящего штурма.

В Строгановку пришли части 15-й дивизии. Бойцы были измучены, голодны, многие уже забыли запах табака. Но больше всего донимали холод и сырость. Нельзя было даже хорошего костра развести — местность была безлесная. Кто-то развел маленький костер. Около огня грелись красноармейцы в летних рубашках, обутые вместо сапог в опорки.

К костру подошел строгановский крестьянин.

— Вы еще долго тутечки будете?

— Да, Перекоп, дед, вот заноза.

— Та чого ж ви кругом. Навпростец добре, прямо, по Сивашу. Шлях не дуже того, та пройти можно. До Армянску на базар тим же шляхом мы издыли лигом.

— Это как? Через воду?

— Колы такий витер, як ось теперь, подуе — вода выметается. И стае грязюка...

Об этом разговоре узнал Фрунзе.

По его приказанию начальник 15-й дивизии собрал строгановских крестьян-стариков. Старики, когда им объяснили, в чем дело, выделили из своей среды в качестве проводников столяра Оленчука и пастуха Ткаченко.

— Они лучше всех знают броды Сиваша. Им можно довериться. Они проведут полки... Только бы ветер дул с запада.

Крестьяне с саперами пошли на Сиваш ставить вехи. Топкие места мостились фашинами, снопами соломы. Красноармейцы готовились к выступлению. Чинили снаряжение, приводили в порядок оружие. Кто-то задорно запел:

Эх, яблочко, сбоку красное,
Вот для белых пришли дни ненастные.
Их мы гоним с Днепра, бьем с Орехова.
Закупорим в Крыму — драпать некуда.

Певец замолк.

— Чего не поешь?

— Язык, братки, примерз...

Саперы и крестьяне продвигались дальше по Сивашу. Дошли до проволочных заграждений противника. Начали резать проволоку. Враг услышал и открыл ураганный артиллерийский огонь.

Саперы сказали Оленчуку:

— Иди, дед, назад... Неровен час...

— Я казав: доведу до краю. Молоди себя не жалеют, я ж старый, кому нужный.

И начал рубить проволоку топором.

Всю ночь грохотала артиллерия. К утру огонь стих.

*

Красноармейцы поздравляли друг друга с третьей годовщиной Октября. На летучих митингах повторяли слова Ленина и Сталина о необходимости немедленно покончить с Врангелем.

— Даешь Крым! — кричали бойцы.

Утром был получен приказ о наступлении.

План Фрунзе был таков.

15-я и 52-я стрелковые дивизии, бригада 55-й дивизии и отдельная кавбригада форсируют Сиваш и занимают Литовский полуостров, расположенный в тылу у противника. Пока эти части пойдут в обход, 51-я дивизия и ударная огневая бригада пойдут в лобовую атаку.

Политотдел Южного фронта призывал: «К моменту наступления ни один боеспособный коммунист не должен оставаться в тылу. В передних рядах коммунист должен воодушевить красноармейцев своей решимостью, отвагой и примером».

Врангель, который узнал об этой директиве, отдал при-

каз: «Безжалостно расстреливать всех комиссаров и других активных коммунистов, захваченных на поле сражения».

Перекопский перешеек в ширину 8—10 километров. По одну сторону — Черное море, по другую — «Гнилое море» — Сиваш.

Через весь перешеек тянется вал. Перед валом — ров. И тот и другой сооружены турками в XVIII столетии.

Ров глубиной в 15—20 метров, шириной в 40—45 метров. На дне рва — проволочное заграждение в несколько рядов. Вал вышиною в 15 метров. Весь вал в колючей проволоке. В некоторых местах ее 17 рядов.

Проволоку, ров и вал охраняют пулеметы и морские дальнобойные и крепостные орудия. Каждый клочок земли, каждый вершок Перекопского перешейка пристрелен артиллерией всех калибров и пулеметами. В бетонированных блиндажах притаились минометы.

— Это первые укрепленные позиции Врангеля, за ними вторые — у Юшуни. Опять проволока, опять дальнобойные орудия, пулеметы, минометы, фугасы...

Все укрепления строились под руководством французских военных инженеров. Эту преграду из колючей проволоки, пушек и пулеметов, из лучших отборных частей Врангеля предстояло штурмовать красным бойцам.

Сиваш...

С именем этого залива связана одна из легендарных побед Красной армии. Тысячи рабочих и крестьян проявили здесь столько героизма, выносливости, перед которыми бледнеют героические битвы прошлых эпох.

Накануне провода полевого телеграфа разнесли приказ Фрунзе: «Командюж приказал частям 6-й армии не позднее 8 ноября переправиться через Сиваш...»

Настал вечер 7 ноября. Последние лучи заходящего солнца бросили кровавый отблеск на залив. Ветер отогнал воду от берега. Поблескивала мокрая земля, кое-где синели лужи воды. За Строгановкой строилась бригада, которая должна была первой пойти в наступление. Это была 45-я бригада. Командир бригады обратился с последним словом к выстроившимся частям.

— Товарищи, поздравляю вас с великим праздником Октября... Мы должны победить или умереть... Середины нет...

Гул одобрения покрыл слова командира.

Сгущались сумерки, и скоро берега Сиваша слились с тьмой. Пошли... Липкая грязь засасывала, соленая вода пробиралась сквозь рваную обувь и разъедала ноги... С трудом выволакивали лошади колеса орудий, повозки. Люди помогали лошадям. В темноте бойцы проваливались в ямы и тонули. Вслед за штурмовой бригадой пошли в воду полки 15-й и 52-й дивизий.

Из далекой тьмы, где находился противник, взметнулась ракета. Белый сноп прожектора зашарил по воде. Загремели орудия противника. Крепостные орудия Турецкого вала посылали десятипудовые снаряды, которые, падая в Сиваш, поднимали фонтаны огня и воды. С визгом проносилась шрапнель.

Впереди полков шли оркестры. Музыканты грянули «Интернационал».

Красные полки, озаряемые вспышками разрывающихся снарядов, молча двигались к невиданному врагу. Раненые и убитые падали в воду.

Переменился ветер. Он гнал воду к берегу, угрожая утопить наступающие части.

— Вода... вода... вода!

Тревожная весть передавалась по рядам. Но проводники-крестьяне успокоили бойцов.

— Высоко вода не пойдет...

Фрунзе узнал об этом в 12 часов ночи, вызвал к аппарату начальника штаба 51-й дивизии.

— Сиваш заливает водою. Наши части на Литовском полуострове могут быть отрезаны. Захватите вал во что бы то ни стало.

Изнуренные части 51-й дивизии бросаются на штурм.

Фрунзе стоял на берегу моря, стараясь разглядеть под покровом ночи, как шли полки, над которыми бушевал грохот артиллерии.

*

53-й полк, состоявший в большинстве своем из донецких шахтеров, готовился к штурму.

К полку приблизилась группа всадников. С лошади соскочил человек в короткой шинели и, не пригибаясь, направился к одному из батальонов.

— Командующий... Товарищ Фрунзе, — сказал красноармеец Прохор Иванов.

Командир вскочил, приложил руку к фуражке, намереваясь отдать рапорт.

— Отставить, — отрывисто бросил Фрунзе. — Обстановка

мне известна. Через несколько минут пойдем в атаку.

Он вытащил из кармана часы.

— Командующий здесь! Товарищ Фрунзе с нами! — неслось в темноте со всех сторон.

Вдруг, резко оглушая окрестности, залпом ударила наша артиллерия. Завыли над Сивашем тяжелые снаряды. Со стороны участка дроздовской дивизии несколько раз глухо простучал пулемет и, будто испугавшись, сразу оборвал. Стало тихо. И тишину прорезал спокойный голос командующего фронтом:

— Товарищи красные бойцы! Поздравляю вас с третьей годовщиной великого праздника всех угнетенных — с Октябрем...

Могучее «ура» понеслось от фланга к флангу.

Фрунзе заткнул за ремень полы шинели, взял из рук Прохора Иванова винтовку и пошел к Сивашу, на неприятельские окопы. Бойцы бросились за своим командующим. Не утихало мощное «ура». Противник открыл бешеный пулеметный огонь.

Высоко подняв над головой винтовку, шел по воде Фрунзе. Яркие вспышки взрывов освещали фигуру командующего. Несколько тысяч бойцов бесстрашно шли за ним через грязные воды Сиваша.

Кто-то запел:

... и решительный бой,
С Интернационалом...

это пел красноармеец Прохор Иванов:

... а-а-лом
Воспрянет род людской...

Песню подхватили тысячи бойцов.

Со стороны Турецкого вала ударила артиллерия. Дрогнула земля. Несколько снарядов разорвалось над полком, осыпав его дождем осколков. Прохор Иванов вдруг оборвал песню, схватился обеими руками за грудь и медленно опустился в воду.[1]

---

[1] Через пятнадцать лет, 25 августа 1935 года, в «Правде» была напечатана следующая телеграмма: «Кузнец колхоза «Красный полуостров» Иван Павлов, собирая картечь в обмелевшем Сиваше, обнаружил тело красноармейца, убитого белогвардейцами в бою под Перекопом в 1920 г.

Тело бойца Красной армии перевезено в г. Армянск. Погибший в бою 15 лет назад красноармеец Прохор Иванов будет похоронен с великими почестями».

Перекоп...

... Снова бросаются поредевшие части 51-й дивизии и огневой бригады на новый штурм.

Красные бойцы прорвались уже через три ряда проволоки. Передовые цепи залегли перед самым Турецким валом, готовясь к последнему удару. Где-то горела деревня, и зарево бросало зловещие багровые отсветы на воду; она казалась кровавой...

Огонь артиллерии вспыхнул с особой силой. Это было признаком того, что части снова пошли в атаку.

Во время боя оборвалась связь с командующим фронтом. Единственным средством восстановления ее могла быть только изоляция проводов от соленой воды Сиваша. Но для этого нужен был невероятный героизм, самопожертвование связистов. Командир выслушал план начальника штаба, на минуту задумался, а затем твердо сказал:

— Делайте.

Начальник связи позвал от костров свою последнюю роту. Бойцы вошли в соленую воду, разъедавшую провода. Люди образовали живую цепочку.

На десятиградусном морозе, в рваных ботинках, в отрепьях обмоток, в летних штанах красноармейцы роты связи стояли по пояс в соленой воде, держа провод в окоченевших руках.

Разговор с полками возобновился.

Ночью в Строгановку приехал Фрунзе. Начальник штаба 15-й дивизии докладывает о потерях,. о ходе боя...

Во время доклада входит ординарец.

— Разрешите доложить, товарищ наштадив...

Ординарец сообщает, что вода на Сиваше сильно прибывает...

Лицо командующего спокойно, только сурово и озабоченно нахмурены брови. Сделав некоторые распоряжения, Фрунзе отдает приказ:

— Немедленно атаковать Турецкий вал.

Наступило 9 ноября. Фрунзе проводит уже вторые сутки без сна. Ему доложили, что прибыла кавалерийская дивизия; Фрунзе послал ее в атаку через Сиваш. Кавалеристы погнали коней в соленую воду Сиваша и скоро выбрались на полуостров. На рассвете пришло донесение, что Турецкий вал взят лобовым ударом.

Как дрались бойцы!

Смертельно раненый политрук третьего эскадрона кавалерийского полка Андрей Москалев, умирая, говорил: «Товарищи, я умираю за идею пролетариата, завещаю вам

быть честными и стойкими бойцами». Командир роты коммунист Брызгалов, будучи ранен осколком в плечо, остался в строю, испытывая страшную боль, пока новый снаряд не сразил его. Своим бесстрашием эти герои, — а им нет числа, — увлекали за собой всю массу красноармейцев, воспитывая в них беззаветную преданность делу революции.

Когда был прорван Перекопский вал, Фрунзе, не желая проливать больше драгоценную кровь рабочих и крестьян, послал Врангелю ультиматум:

«Ввиду явной бесполезности дальнейшего сопротивления предлагаю вам немедленно прекратить борьбу и приказать всем подчиненным вам войскам армии и флота сложить оружие».

Но Врангель все еще надеялся удержаться в Крыму.

*

Чонгар...

Тяжела была жизнь красных войск на пустынном Чонгаре.

Свыше 40 000 человек имели в своем распоряжении только до 50 разрушенных домов. Взорванные белыми железнодорожные линии затрудняли подвоз продовольствия. Не было питьевой воды, топлива. Начались сильнейшие холода.

«Много сделано, многое предстоит еще сделать, но Крым и отныне уже для врага неприступен», — заключил Врангель свой приказ после личного осмотра чонгарских укреплений.

Сама природа создала здесь неприступную крепость. Сиваш был недоступен здесь ни вплавь, ни в брод. Два длинных узких полуострова с крымской стороны, не давая решительно никаких закрытий для наступающих, делали их легкой добычей пулеметов и артиллерии противника, защищенных бетонными бойницами и блиндажами.

Сеть проволочных заграждений начиналась еще в воде и делала невозможной атаку крутого, обрывистого берега. Каждая линия многочисленных укреплений была защищена стеной проволочных заграждений. Кроме того укрепления были обеспечены тяжелой береговой артиллерией. Между тем с нашей стороны Чонгарский полуостров представлял собой совершенно открытую плоскую равнину, каждая точка которой находилась под наблюдением и огнем противника.

Еще 8 ноября Фрунзе вызвал командование 30-й диви-

зии на станцию Партизаны. Здесь, в штабе 4-й армии, в присутствии Реввоенсовета 1-й Конной армии товарищей Ворошилова и Буденного, Фрунзе изложил общий план операции и дал указание к 13 ноября приготовиться к чонгарскому штурму.

К. Е. Ворошилов рассказывает об этом совещании:

«...Захудалая и разрушенная железнодорожная станция, вчера еще кишмя-кишевшая бежавшими в панике врангелевцами.

В небольшой комнатке, в полумраке, собрались все высшие военачальники во главе с Михаилом Васильевичем. Враг разбит, но не добит.

Михаил Васильевич терпеливо и внимательно выслушивает мнение своих ближайших соратников и тут же принимает решения о дальнейших действиях...»[1]

Красные части пошли на штурм чонгарской твердыни. 266-й полк 30-й стрелковой дивизии вел бой в направлении станции Моганаш. Тяжелая артиллерия противника обрушила свой огонь на наступавших. Снаряды разбивают станционные постройки, бьют по мосту, по которому один из батальонов пытался переправиться на крымский берег. Красноармейцы залегли у моста. Но им нужно переправиться как можно быстрее и помочь своим товарищам, которые уже изнемогают там, на крымском берегу.

Наступает вечер. Батальон начал переправляться по обломкам железнодорожного моста через Сиваш. Красноармейцы двинулись по обочинам дамбы и незаметно сосредоточились у южной ее оконечности. Впереди шли разведчики и гранатометчики.

Враг заметил приближение красных. Грохот орудий и треск пулеметов разорвал настороженную тишину. И, словно стараясь заглушить эту канонаду, раздается мощное «ура». Красноармейцы ворвались в окопы врага. Атака удалась. Окопы полны ранеными и убитыми белогвардейцами.

Нужно овладеть второй оборонительной линией.

Бронепоезд противника, выдвинувшись на линию наших цепей, буквально сметает их огнем пулеметов и картечью орудий. Но красноармейцы не знают страха.... Снова «ура», снова стремительная атака — и вторая линия обороны взята. Бронепоезд врага не прекращает поливать красных бойцов свинцовым дождем.

— Взять его! Взять! — кричат красноармейцы.

---

[1] К. Е. Ворошилов, Статьи и речи, стр. 11.

Отдельные группы бросаются на бронепоезд, но многие падают мертвыми.

— Взять! Взять! — кричат снова...

В темноте политрук с группой красноармейцев штыками, лопатами и просто руками подрывают шпалы. Несколько взрывов ручных гранат. Передняя площадка бронепоезда свалилась.

*

С занятием Юшуньских позиций участь армии Врангеля была решена. Началось паническое бегство белогвардейцев.

12 ноября красное знамя взвилось над Джанкоем, 14-го наши части заняли Симферополь, Феодосию и Судак, 15-го— Севастополь и 16-го — Керчь.

Устлав Крымский полуостров трупами своих обманутых солдат, Врангель издал последний приказ: «У нас нет ни казны, ни денег, ни родины. Кто не чувствует за собой вины перед красными, пусть останется до лучших времен».

Но лучших времен он не дождался. Крым стал советским.

Во всех ротах, командах, эскадронах и батареях прочли приказ Фрунзе: «О доблестных победах, совершенных войсками Южного фронта».

«Боевые товарищи и красноармейцы, командиры и комиссары, — писал Михаил Васильевич, — ценой ваших героических усилий, ценой дорогой крови рабочего и крестьянина взят Крым. Уничтожен последний оплот и надежда русских буржуа и их пособников, заграничных капиталистов. Отныне красное знамя — знамя борьбы и победы — реет в долинах и на высотах Крыма и грозным призраком преследует остатки врагов, ищущих спасения на кораблях. 50 дней прошло с момента образования Южного фронта; за этот короткий срок, благодаря вашей стойкости и энергии, была ликвидирована угроза врага Донбассейну, очищено все Приднепровье и занят весь Крым. Честь и слава погибшим в борьбе за свободу, вечная слава творцам революции и освободителям трудового народа».

В 1922 году Фрунзе напечатал свои воспоминания о боях в Крыму. Окончил свои воспоминания Михаил Васильевич следующими словами:

«Победа, и победа блестящая, была одержана по всей линии. Но досталась она нам дорогой ценой. Кровью 10 тысяч своих лучших сынов оплатил рабочий класс и крестьянство свой последний, смертельный удар контрреволю-

ции. Революционный порыв оказался сильнее соединенных усилий природы, техники и смертельного огня.

Память об этих 10 тысячах героев, легших у входа в Крым за рабочее и крестьянское дело, должна быть вечно светла и жива в сознании всех трудящихся. Если нам теперь легче, если мы, наконец, окончательно закрепили торжество труда не только на военном, но и на хозяйственном фронте, то не забудем, что этим мы в значительной мере обязаны героям Перекопа и Чонгара...»

Фрунзе не любил говорить о себе, о своей роли. Он обладал качеством большевика ленинско-сталинской школы: скромностью. Но не только наша партия и вся страна высоко ценили военный талант пролетарского полководца Фрунзе, даже классовые враги вынуждены были отдать дань уважения его выдающимся способностям. Один английский журнал в статье, посвященной характеристике Фрунзе, как полководца, писал:

«Мы видим, как он в возрасте 34 лет разбивает адмирала Колчака, который сам был весьма компетентной боевой личностью. Его разгром генерала Врангеля... показывает, что он во всяком случае является вполне компетентным человеком».

IX. ГОДЫ ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Страна была опустошена и разорена трехлетней империалистической войной и навязанной ей мировым империализмом и внутренней контрреволюцией гражданской войной. Многие города и села были разрушены. Шахты и рудники затоплены водой. Фабрики и заводы стояли в бездействии: машины и станки были разбиты. Железнодорожный транспорт был парализован — развороченные пути, взорванные мосты, сваленные под откосы вагоны и паровозы, сожженные депо, подорванные водокачки. На селе — запущенные, поросшие сорняком поля, почти поголовная гибель скота.

Международная буржуазия, зарившаяся на богатства Советской Украины, не оставляла надежд прибрать ее к своим рукам и превратить в свою колонию. Буржуазия оказывает поддержку всякого рода бандитам, окопавшимся на Украине, и готовит новую интервенцию.

Советскую Украину необходимо было превратить в неприступный форпост советской власти. Партия поставила Фрунзе во главе вооруженных сил, расположенных на Украине и в Крыму. На его долю выпала почетная зада-

ча — укрепить оборону Советской Украины и покончить с уцелевшими еще контрреволюционными бандами. Одновременно Фрунзе является также заместителем председателя украинского Совнаркома.

Фрунзе горячо взялся за работу по укреплению советской власти и насаждению революционной законности, по демобилизации армии и налаживанию хозяйства страны.

По Советской Украине, как стая хищных волков, бродили контрреволюционные шайки Махно, Тютюнника и других бандитов. Они грабили и сжигали уцелевшие села и города, убивали советских работников и создавали в стране полыхающие очаги контрреволюционных мятежей.

Советское правительство поручило Фрунзе в кратчайший срок ликвидировать бандитизм на Украине, принимавший огромные размеры. В первую очередь нужно было уничтожить махновские банды.

Фрунзе выехал в район, где разбойничал Махно. Однажды он решил заехать в одну из деревень, чтобы побеседовать с крестьянами, узнать их настроение. Его сопровождали адъютант и два ординарца. В деревне оказалась махновская часть. Фрунзе заметил это первый и крикнул своим спутникам:

— Мчитесь в разные стороны!

Махновцы узнали Фрунзе. Они бросились в погоню. Над головой Фрунзе завизжали пули. Неожиданно стала сдавать лошадь. Она была ранена. Фрунзе обернулся и выстрелом из караб на свалил одного махновца. Но их было много. Фрунзе спешился и открыл огонь. Еще два махновца были сбиты... Фрунзе снова вскочил на лошадь и помчался. Одна из пуль махновцев все же настигла его — он был ранен в бок навылет.

Уйдя от погони, Фрунзе выехал к реке и стал промывать свою рану. Случайно он увидел, как с противоположного берега в него прицеливался из винтовки стрелок. На груди стрелка был красный значок. Фрунзе крикнул:

— Это я!

В. В. Куйбышев, подробно рассказавший об этом эпизоде, добавил:

«Об этом случае известно стало в Политбюро. С одной стороны, Фрунзе проявил величайшую отвагу, решительность, находчивость. С другой стороны, он не должен был как командующий войсками сам ходить на разведку.

Все это было соответствующим образом отмечено».

Вскоре под руководством Фрунзе на Украине было покончено с бандитизмом.

*

Осенью 1921 года наша соседка, молодая Турецкая республика, истощенная империалистической войной, напрягала последние силы в борьбе за свою независимость.

В эти дни советское правительство в целях оказания поддержки турецкому народу в борьбе за независимость отправило в Анкару чрезвычайное посольство во главе с Михаилом Васильевичем Фрунзе.

В стране, куда ехал Михаил Васильевич, еще крепко жила издавна установившаяся во всех слоях населения ненависть к царской России. В памяти у всех была свежа мировая война, во время которой русский царизм и буржуазия пытались захватить у Турции проливы и Константинополь. О Советской России турецкий народ знал мало. Белогвардейская печать стремилась всячески возбудить в турецком народе враждебность к Советской России своей лживой информацией, сочинением небылиц и т. п.

В поездке по Турции М. В. Фрунзе сопровождал почетный конвой. Благодаря знанию киргизского языка, который имеет общие корни с турецким, Фрунзе всю дорогу вел с аскерами (солдатами) оживленную беседу.

Фрунзе, как представитель Советской России, быстро завоевал симпатии республиканской Турции.

Один из работников посольства рассказывает:

«...Турки в один голос говорили о Фрунзе как о замечательном человеке, о его симпатиях к турецкому народу и о том, как он расположил всех к себе... Его называли и генералом, и товарищем, и пашой».

Популярность Фрунзе создалась без всяких административных нажимов. Ее создал сам турецкий народ. Быстро разнеслась молва, что «паша» Фрунзе всем доступен, запросто говорит с простым народом.

«Пока мы пили чай, — рассказывает Михаил Васильевич в своем дневнике о путевом эпизоде в селении Кавак, — к зданию волости успела собраться большая толпа народа — солдат, крестьян, женщин. Обратился к ним с небольшой приветственной речью, встреченной чрезвычайно тепло... В результате двухчасовой беседы, вызвавшей у всех самый напряженный интерес и внимание, расстались уже настоящими друзьями».

Чтобы лучше узнать настроения турецкого крестьянства, Михаил Васильевич заезжал в деревни, в горы, часто забирался далеко от дороги, пробирался тропинками.

Вот рассказ Фрунзе об одной из встреч в Мерзифоне:

«Вся площадь перед конаком, где мы остановились, была

запружена народом. Пришлось устроить митинг. Моя речь, сказанная с балкона, была покрыта громкими аплодисментами и долгими криками в честь Украины и России. На другой день та же картина. К моменту нашего отъезда в ночь собралась огромная толпа народа...»

Михаил Васильевич детально ознакомился с турецкой армией, ее боевой подготовкой, снаряжением и бытом. Турецкая армия в то время еще только организовывалась. Она была плохо снабжена и в этом отношении напоминала Красную армию в первые дни ее формирования. Но, по твердому убеждению Фрунзе, турецкая армия должна была победить, — и она победила.

*

Свою государственную и военную работу Фрунзе тесно связывал с партийной. Участие в партийных съездах и конференциях, выступления с докладами на партийных ячейках обнаружили глубокую подготовку Фрунзе к решению разнообразных вопросов. Его доклады по истории партии, по текущему моменту насыщены были глубокой принципиальностью и полны политической заостренности. В огромной борьбе, которую партия под руководством Ленина и Сталина вела с троцкистскими и бухаринскими предателями, Фрунзе всегда отстаивал чистоту ленинско-сталинских принципов.

Блестящее руководство советским строительством на Украине свидетельствовало о его крупном уме. Партия высоко ценила все эти качества Фрунзе. Недаром он являлся ближайшим помощником товарища Сталина в создании первой конституции СССР. Как верный ученик Ленина и Сталина Фрунзе был в 1921 году на X съезде партии избран членом ЦК РКП(б).

Специальная комиссия ЦК, обследовав состояние Красной армии, сделала на апрельском пленуме ЦК в 1924 году доклад, сущность которого сводилась к следующему:

«Красной Армии, как организованной, обученной, политически воспитанной и обеспеченной мобилизационными запасами силы, у нас в настоящее время нет. В настоящем своем виде Красная Армия небоеспособна».[1]

В развале Красной армии повинны были шпион Троцкий и его приспешники. Предатель Троцкий был разоблачен как враг партии и трудящихся товарищами Сталиным, Фрунзе, Ворошиловым.

---

[1] К. Е. Ворошилов, Статьи и речи, стр. 563.

Отстранив от руководства армией предателя Троцкого и его подлых приспешников, партия и правительство остановили свой выбор на выдающемся полководце Михаиле Васильевиче Фрунзе, который был назначен заместителем председателя Реввоенсовета Союза ССР, а в январе 1925 года — народным комиссаром по военным и морским делам и председателем Реввоенсовета Союза ССР.

Михаил Васильевич приступил к сложной работе по реорганизации Красной армии.

Он был подлинным пролетарским полководцем, которого воспитала партия. Он изумлял всех, кому приходилось с ним сталкиваться.

К. Е. Ворошилов приводит рассказ бывшего генерала царской службы, крупнейшего военного специалиста, о Фрунзе: «Вероятно, очень немногие знают, что он с первых же дней своего командования армией, т. е. значит с такой карьеры, которая по старому времени, по старой расценке приходила к концу военной жизни и военной работы бывших специалистов, он, вознесшись к ней, с первых же дней стал ее осуществлять в полном смысле слова блестяще, в полном смысле слова по правилам, законам военной науки, которая ему была отчасти теоретически быть может известна, но осуществлять которую ему позволяло его военное чутье...»[1]

Фрунзе был не только выдающимся полководцем-большевиком, но и военным теоретиком. Классиками марксизма — Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным — даны руководящие указания, как должна разрабатываться пролетарская теория войны. Блестящим примером применения марксистской военной стратегии является сталинский план разгрома Деникина.

Фрунзе, как верный и последовательный ученик Ленина и Сталина, приступил к разработке проблем строительства вооруженных сил в новых, возникших после гражданской войны условиях.

Новые условия требовали и новых, более совершенных методов строительства вооруженных сил СССР. Если в 1918—1922 годы организация Красной армии принимала формы, необходимые для условий гражданской войны, то в мирных условиях они должны были уступить место другим формам. В тесной связи с общим планом социалистического строительства нужно было строить и мощные вооруженные силы для обороны страны. Фрунзе постоянно

---

[1] К. Е. Ворошилов, Статьи и речи, стр. 83.

учитывал капиталистическое окружение и понимал, что капиталистические страны, восстановив свою расшатанную войной экономику, противопоставят в будущей войне против СССР более мощную технику, и поэтому залогом успешного строительства Красной армии, ее оснащения всем современным оружием обороны являлось осуществление сталинского плана индустриализации страны.

Против этого вдохновленного товарищем Сталиным плана создания мощной, технически оснащенной Рабоче-Крестьянской Красной армии, над которым Фрунзе начал работать совместно с товарищем Ворошиловым, выступили с яростной борьбой предатель и германский шпион Троцкий и его приспешники. «Идейно» руководимые генштабами капиталистических стран, троцкисты всячески старались дискредитировать идею создания могущественной и хорошо оснащенной Красной армии. Троцкисты настаивали на передоверии строительства армии буржуазным специалистам. Фрунзе и Ворошилов дали решительный отпор попыткам троцкистов и бухаринцев извратить линию партии в военном вопросе.

Исходя из характера будущей войны, которая должна явиться грандиозной классовой борьбой с участием миллионных армий, оснащенных могущественными средствами техники, Фрунзе правильно учитывал необходимость подготовки страны к длительной борьбе. Возможность такой войны требовала от страны подготовки не только материальных ресурсов, но и значительных людских кадров. Решение последней задачи Фрунзе видел в необходимости перехода к территориальной системе строительства вооруженных сил, которая в то время только и могла обеспечить подготовку массовых людских кадров, готовых победоносно сражаться за свою социалистическую родину.

Принимая во внимание огромные пространства нашей страны, Фрунзе особенно настаивал на полной готовности транспорта быстро доставлять фронту все необходимое. В основе тактики Красной армии, по мнению Фрунзе, должна была лежать идея сокрушительного удара по тому, кто попытается напасть на СССР. Учитывая, что в будущей войне защищать нашу родину будет весь народ, Фрунзе считал необходимым развитие военной общественности (Осоавиахим) и спортивных организаций.

«Громадные задачи, — писал К. Е. Ворошилов, — которые ставил для разрешения этот незаурядный человек, открыли новую полосу в военном строительстве».

X. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

М. В. Фрунзе в одной из своих анкет сообщал:
«...специальность — столярное дело и военное;
в тюрьме — 11 месяцев;
на каторге — 7 лет и 9 месяцев;
в ссылке — 1 год»,
и на вопрос о состоянии здоровья ответил: «болен желудком». Что под этим мимоходом брошенным замечанием понималось — мало кто знал. Фрунзе не любил говорить о себе и тем более о своих недугах. Казалось, что его бодрый и веселый ум не вмещал таких понятий, как болезнь, смерть.

В годы гражданской войны Михаил Васильевич никогда не обращался за советами к врачу. Но, замечая признаки усталости и болезни у своих помощников, он настойчиво указывал:

— Вам надо лечиться, взять отпуск...

Лично же Фрунзе, когда его донимали боли в желудке, пил соду, которая, конечно, не излечивала, а давала только временное облегчение. При этом он с какой-то смущенной улыбкой говорил близким:

— Я ей, соде, верю...

В 1922 году, когда Михаил Васильевич по прямому настоянию окружающих его лиц обратился к врачу, то последний созвал консилиум, который признал необходимым выезд за границу, в Карлсбад, для лечения. Для Фрунзе был даже заготовлен заграничный паспорт, но он отказался ехать и продолжал работать.

Уступая настояниям друзей, Фрунзе выехал в Боржом. Поездка в Боржом оказала благотворное действие на здоровье Фрунзе, и он в течение двух лет не высказывал желания приступить к серьезному лечению.

Осенью 1924 года Михаил Васильевич вместе с Климентом Ефремовичем Ворошиловым провел свой отпуск в Азербайджане, а в 1925 году, получив месячный отпуск, он приезжает в Крым, в Мухалатку. Там в то время отдыхали товарищи Сталин, Ворошилов и Шкирятов. Необходимо упомянуть, что до поездки в Крым Михаил Васильевич перенес две автомобильные аварии, сопровождавшиеся значительными ушибами. Сталин, Ворошилов и Шкирятов узнали от сопровождавшего Фрунзе врача, что у Михаила Васильевича в течение восьми суток продолжалось внутреннее кровоизлияние, которое, повидимому, не прекратилось и в Крыму. Но Фрунзе пренебрег этим грозным предостережением и стремился скорей на

охоту в район Ай-Петри. «...Мы его отговаривали, — рассказывает К. Е. Ворошилов, — так как вид у него был не совсем здоровый, предлагали ему сначала окрепнуть, а затем уже охотиться. Но уговоры не помогли, и мы вчетвером — Михаил Васильевич, т. Шкирятов, доктор Мандрыка и я несколько часов бродили по каменистым спускам Ай-Петри.

Невзирая на неудачную охоту, Михаил Васильевич буквально переродился, стал опять тем же жизнерадостным, ласковым и веселым.

Все же заявление врача о физическом состоянии Михаила Васильевича заставило нас задуматься о его здоровье. Мы все видели, что Михаилу Васильевичу необходим прежде всего абсолютный покой. Я наотрез отказался ездить с Михаилом Васильевичем на охоту, чем, конечно, огорчил моего друга. Но сам Михаил Васильевич не унимался, охотился на зайцев, был доволен, возбужден и мечтал о настоящей, большой охоте.

Но, очевидно, кровоизлияния в желудочно-кишечном тракте давали себя чувствовать. Михаил Васильевич стал недомогать и слег».[1]

Врачи указали на неизбежность операции. Фрунзе переехал в Москву и лег в Кремлевскую больницу.

Палата № 19, в которой находился Михаил Васильевич, вскоре, как только он отдохнул и вернулась прежняя жизнерадостность, превратилась в рабочий кабинет. На столах лежала литература, документы, сотрудники приходили с докладами, часто приходили близкие друзья. Палата превратилась в политический клуб, где обсуждались важнейшие вопросы. Фрунзе следил за всеми событиями и живо на них откликался.

Приближался день операции. 26 октября Михаил Васильевич писал своей жене:

«Ну, вот... подошел и конец моим испытаниям. Завтра утром я переезжаю в Солдатенковскую больницу, а послезавтра (в четверг) будет операция. Когда ты получишь это письмо, вероятно, в твоих руках уже будет телеграмма, извещающая о ее результатах».

После операции положение Михаила Васильевича ухудшилось.

В 5 часов вечера 29 октября в больницу приехали товарищи Сталин и Микоян, но к больному их не пустили. Товарищ Сталин передал Михаилу Васильевичу записку:

---

[1] К. Е. Ворошилов, Статьи и речи, стр. 8.

«Дружок! Был сегодня в 5 ч. вечера у т. Розанова (я и Микоян). Хотели к тебе зайти, — не пустил, язва. Мы вынуждены были покориться силе. Не скучай, голубчик мой. Привет. Мы еще придем, мы еще придем... Коба».[1]

Друзья Михаила Васильевича были глубоко уверены в благоприятном исходе операции.

Фрунзе умирал.

Перед операцией он как-то, полушутя, сказал одному из своих друзей:

— А помру, похороните меня в Шуе, там, знаешь, на Осиновой горке...

Он не боялся смерти, как не боялся ее в молодые годы, когда дважды ожидал казнь, как не боялся под пулями на Белой, в песках Средней Азии, под Перекопом. Фрунзе знал, что дело, за которое он боролся, бессмертно и непобедимо. Оглядывая свой жизненный путь, он — вернейший солдат революции — мог быть спокоен за судьбу революции: на его глазах поднялась из пролетарской массы мощная и непобедимая большевистская партия, воспитанная Лениным и Сталиным.

В 5 часов 50 минут 31 октября 1925 года благородное сердце большевика Фрунзе перестало биться.

На следующий день газеты вышли в черных рамках, и страна с болью читала обращение партии большевиков.

КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ! КО ВСЕМ РАБОЧИМ И КРЕСТЬЯНАМ

Товарищи!

От паралича сердца умер верный боец нашей партии, один из лучших ее сынов, тов. *Фрунзе*.

Тов. Фрунзе принадлежал к той славной, стальной гвардии большевиков, которая в глубоком подполье, под бичами и скорпионами царизма подрывала устои проклятого самодержавия; которая среди непроглядного мрака сумела организовать массы, сплотить ряды несокрушимой пролетарской партии, вести в бой революционные миллионы трудящихся; которая сумела руководить победой в битвах, еще невиданных в истории человечества; которая вела и ведет партию, а через нее весь народ, к великому строительству социализма.

---

[1] «Красная звезда», № 251, 31 октября 1930 г.

Личная история Фрунзе, нашего дорогого, боевого товарища, сердце которого перестало биться в ночь на 31 октября, есть отражение истории нашей партии, мужественной, беззаветно храброй, до конца преданной пролетариату, сросшейся всеми корнями с рабочими кварталами. Тов. Фрунзе с юных лет был на передовой линии огня. Первые мощные стачки пролетариата, московские баррикады 1905 г., долголетняя каторга, снова и снова подпольная работа, вплоть до взрыва самодержавного режима, — видели Фрунзе как неутомимого и бесстрашного борца.

Баррикады великого Октября, бесчисленные фронты гражданской войны знали Фрунзе как своего героя, не выходившего из линии огня, как одного из самых выдающихся организаторов пролетарской победы.

Не раз и не два уходил товарищ Фрунзе от смертельной опасности. Не раз и не два заносила над ним смерть свою косу. Он вышел невредимым из героических битв гражданской войны и всю свою кипучую энергию, весь свой организаторский размах отдал делу нашего строительства, выдвинувшись в качестве вождя нашей победоносной Красной Армии.

И теперь он, поседевший боец, ушел от нас навсегда. Не выдержало его сердце, столько пережившее и бившееся такой пламенной, такой горячей любовью ко всем угнетенным. Умер большой революционер-коммунист. Умер наш славный боевой товарищ. Умер руководитель победоносных боев Красной Армии. Умер выдающийся ее строитель.

От имени всей нашей партии склоняем мы знамя Центрального Комитета перед прахом товарища Фрунзе.

Да здравствует наша партия, сыном которой был Фрунзе!

Да здравствует Красная Армия, которую строил покойный боец!

Центральный комитет РКП(б).

31 октября 1925 года.

*

4 ноября 1925 года Москва провожала в последний путь Михаила Васильевича Фрунзе. В этот грустный осенний день за гробом Фрунзе шло три поколения. Тут были старики, которые помнили веселого юношу Арсения, с молодой отвагой бросившегося в бой за дело партии; сверстники Фрунзе, делившие с ним дни боевой страды и славы на

фронтах в боях за родину, и молодежь, для которой Фрунзе был другом и учителем.

К открытой могиле подошел друг и учитель Фрунзе — Иосиф Виссарионович Сталин. Осенний ветер пролетал внезапными порывами над притихшей Красной площадью. Сталин стоял с непокрытой головой. Мужественные черты лица его были скорбны. Словно в тяжелом раздумье начал Иосиф Виссарионович свое прощальное слово:

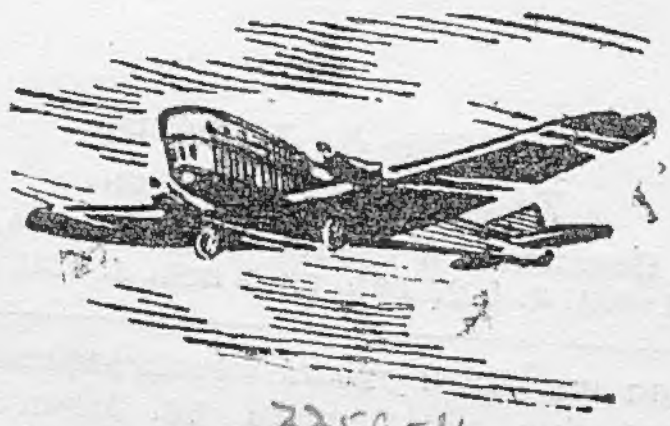
«Товарищи, я не в состоянии говорить долго, мое душевное состояние не располагает к этому. Скажу лишь, что в лице товарища Фрунзе мы потеряли одного из самых чистых, самых честных и самых бесстрашных революционеров нашего времени. Партия потеряла в лице товарища Фрунзе одного из самых верных и самых дисциплинированных своих руководителей. Советская власть потеряла в лице товарища Фрунзе одного из самых смелых и самых разумных строителей нашей страны и нашего государства. Армия потеряла в лице товарища Фрунзе одного из самых любимых и уважаемых руководителей и создателей. Вот почему так скорбит партия по случаю потери товарища Фрунзе.

Товарищи, этот год был для нас проклятием. Он вырвал из нашей среды целый ряд руководящих товарищей. Но этого оказалось недостаточно, и понадобилась еще одна жертва. Может быть, это так именно и нужно, чтобы старые товарищи так легко и так просто спускались в могилу. К сожалению, не так легко и далеко не так просто подымаются наши молодые товарищи на смену старым.

Будем же верить, будем надеяться, что партия и рабочий класс примут все меры к тому, чтобы облегчить выковку новых товарищей на смену старым.

Центральный Комитет Российской Коммунистической Партии поручил мне выразить скорбь всей партии по случаю потери товарища Фрунзе. Пусть моя короткая речь будет выражением этой скорби, которая безгранична и которая не нуждается в длинных речах».

Раздается последний орудийный салют.



335954

КУЙБЫШЕВСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Детство 3
II. Молодость большевика 6
III. В годы реакции 23
IV. После приговора 28
V. Под знаменем Октября 34
VI. На Восточном фронте 37
VII. Освобождение Средней Азии 51
VIII. Победа над Врангелем 60
IX. Годы после гражданской войны 77
X. Последние дни 83

Редактор *Р. Х. Гурвич.*

Художник *С. Н Зорин.*

Тираж 20000. Подписано к печати 3 июня 1942 г. ЕО16956.
Печ. л. 5½. Уч.-изд. л. 5,2. Тип. зн. в печ. л. 43200. Цена 1 р. 25 к.

Типография им. Мяги треста «Полиграфкнига», ОГИЗ,
г. Куйбышев, ул. Венцека, 60. Заказ № 370.

1 р. 25 к.